

Никто, кроме нас! Российский спецназ!



СЕРГЕЙ

Зверев

БАСТИОН

Война уже началась



Сергей Иванович Зверев

Война уже началась

Серия «Бастион», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=288352
Бастион: война уже началась: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-40368-4*

Аннотация

Автор приключенческих романов Дарья Красилина едет на Алтай в сопровождении сотрудника ФСБ, друга своего бывшего мужа – она хочет написать серию очерков о жизни местных староверов. Однако даже такой надежный спутник не оберегает от опасных злоключений – Красилину захватывают в плен боевики загадочной и могущественной организации, занимающейся зомбированием людей. И хотя смелой писательнице чудом удастся бежать, ее жизнь еще долгое время висит на волоске – пока на помощь Дарье не приходит команда спецназовцев под командованием ее бывшего мужа Ветрова...

Содержание

Июнь, 1998 год	6
Кукловоды-1	104
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Сергей Зверев

Бастион: война уже началась

Действующие лица романа вымышлены, всякое сходство с существующими людьми и организациями – случайно.

*Каждое общество имеет тех преступников, которых заслуживает.
Роберт Кеннеди*

Орден Северной Стражи обходился без рекламы. Не просвещал, как розенкрейцеры, не врачевал, подобно иоаннитам, не улучшал моральный облик, как альбигойцы. Деньги, как тамплиеры, не одалживал – тратил. Служил «руководящей и направляющей» – задолго до Ленина и компании, но на сцене не появлялся.

Его приказы становились волей государя или генсека, а если не становились, государь погибал от геморроидальных колик или «апоплексического» удара табакеркой, генсек – от банального сердечного приступа. Приведенный на смену вносил коррективы и – следовал курсу.

У Ордена были конкуренты. Как внутри, так и вне подопытной страны. Самые наглые двенадцать лет назад перехватили штурвал и почему-то сочли, что удача теперь у них

в руках.

Но Орден не ревновал. И не спешил. Смутные времена случались и раньше, надо только уметь ждать, пока мятущееся стадо не возопит о помощи. Копили силы в ожидании. Качал информацию мозговой центр. Окапывались на местах, укрепляя старые связи и создавая новые, координаторы. Совершенствовали боевую выучку (а какая смута без войны?) легионеры. Когда страна позовет – они будут здесь.

Июнь, 1998 год

Красилина Д.А.

Телефон напомнил о себе в самый неподходящий момент. Я сидела вся в печали и смотрела на раскуроченный утюг, не понимая, почему у него внутри совсем не то, что ожидалось.

– Как дела? – поинтересовались на том конце провода.

– Нормально, – машинально ответила я. – Сыты, пьяны, нос в табаке.

– А я слышал, у тебя проблемы, – злорадно вымолвил Гулька.

– Послушай, Шизиков...

– Я Сизиков, – незлобиво поправил Гулька.

– Нет, ты Шизиков, – заупрямилась я. – И вся контора ваша насквозь шизанутая... Скажи-ка лучше, ты, человек в штатском, почему из хваленного импортного утюга вместо пара на мой последний белый блузон лепешками вываливается грязь?

– Похожая на что? – осведомился собеседник после долгой паузы.

– На мазут. Никак не пойму, почему в утюге мазут...

Гулька вздохнул.

– А мне кажется, все дело в волшебных пузырьках...

– В каких еще пузырьках! – заорала я.

– В волшебных, – хмыкнул Гулька. – Про которые ты забыла. Ты вообще что с ним делала?

– Чистила!

– Напалмом?

– Послушай, Шизиков... – Я собралась ударить из всех стволов. Но оппонент миролюбиво перехватил инициативу:

– Ладно, Динка, извини. Я понимаю, ты промывала его уксусом. Все домохозяйки так делают. Но запомни на будущее, Динка, – если нет головы на плечах, всегда будь готова к неожиданностям. А теперь, не отнимая от уха трубку, подойди к крану и промывай свой утюг до тех пор, пока не промоешь.

– Я промывала, – пожаловалась я. – Он, зараза, не промывается.

– Тогда отдай бедным... Но только не нервничай, Динка, я тебя умоляю. Помни, все болезни от нервов, и даже интимные...

– Послушай, а ты зачем звонишь-то? – вспомнила я.

Изрядно муторный в общении субъект, Борька Сизиков с глупым прозвищем Гулька никогда не входил в круг лиц, пользующихся моим расположением. Он прекрасно об этом знал. А будучи приятелем и коллегой моего отставного мужа, и вовсе должен был держаться от меня на расстоянии вытянутой мили, и никак не ближе.

– У тебя, говорят, проблемы? – чуть помявшись, повторил Гулька.

Не скажу, что мне понравился его тон.

– Какие проблемы? – насторожилась я.

– В смысле... этова... творчества. – Гулька швыркнул носом.

Я похолодела.

«Намеки тонкие на то, чего не ведает никто...»

– Объяснись, – замогильным голосом потребовала я. – Нам, гагарам, недоступно.

– А, так ты ни о чем не знаешь, – многозначительно хмыкнул Сизиков и сделал вид, что задумался. Потом неожиданно попрощался: – Ну ладно, киска, перезвоню. Целую, обнимаю, спи спокойно.

И бросил трубку.

Ах, какие мы загадочные. Я подошла к окну. Вид с шестого этажа на двор облупленной девятиэтажки оставался, по обыкновению, далеким от пасторального, но, по крайней мере, мусорка сегодня была чиста и драк под окнами не происходило. На свежоокрашенной лавочке, поверотясь к подъезду, восседал наш местный районный маньяк Степан Ошалень по прозвищу Щекотило – большой охотник пугать в лифтах молоденьких девушек. Он задумчиво шурился на несостоявшуюся модельку Нинку Панчехину, единым цугом выгуливающую весь свой зверинец – двух годовалых догов Сашу и Лолу и славненькую, но временами подверженную

приступам необъяснимой ярости таксу Мормышку. Маньяк Степан – жутковатый, но в принципе безобидный даун – второй год не мог попасть в психиатрическую клинику на ул. 1905 года (вероятно, там был конкурс), а Нинка – в модельное агентство Пелюниной.

Почему я чувствовала аритмию и нервничала?.. Почему на душе скребли кошки, а в ушах не смолкал язвительный баритон Сизикова?

Я осторожно глянула в зеркало. В нем пока еще отражалась худая гражданочка тридцати трех лет в затканном сарафане на невидимых бретельках, с опереточной челочкой. Большой прогресс. Разумеется, с годами отражение не хорошо. Угасало, покрывалось трещинами, морщинами, приобретало в видных местах удручающие диспропорции. Однако крупного повода для посыпания головы пеплом пока не наблюдалось. Во всяком случае, отражение соответствовало длительности его существования. Разве что глаза. В них было что-то не от мира сего. Разве на прошлой неделе у меня были вот эти глаза?

Я снова уставилась в окно. Нинка-моделька, ведомая цугом, сгнула за угол. Степан уснул. Бабушки-старушки у крайнего подъезда перемыли косточки президенту и взялись за тему содержания в нашей жизни холестерина, диоксина и терроризма. На лавочку к маньяку, раздирая пачку «Элэма», плюхнулся вечный студент-второгодник Денис Савицкий. Самым непостижимым образом Дениска материализо-

вывался в тех местах, где проводилась рекламная кампания той или иной табачной фирмы (а проводились они сплошь и рядом – вежливые девочки в красных бейсболках интересовались, какой табак предпочитают прохожие, и взамен их недокурных пачек предлагали абсолютно новые, а иногда и с зажигалкой). Грамотно попадая в заданный квадрат, Дениска участвовал во всех акциях, добросовестно всучивая красным шапочкам «неоконченную» пачку, из которой заблаговременно удалял лишние восемнадцать, а то и девятнадцать сигарет. Впоследствии, поставив свой ханыжный бизнес на поток, он стал собирать по городу пустые пачки и набивать их разным дерьмом. А сгубила Дениску простая человеческая жадность. Что произошло конкретно, история умалчивает. Красные шапочки укоризненно качали головками, их сопроводители методично пинали Дениску ногами, он вырывался и орал: «Человеколюбия вам не хватает, демоны!», а случайно узревшая это непотребство Ниночка от души обхихикалась. А потом прибежала во двор с воплем: «Паниковского бьют!»

Ощущение беспокойства не покидало. Я сгребла на покрывало компоненты злосчастного утюга, завернула их, задвинула под кровать и стала вспоминать вчерашний день. Что было? До шестнадцати с копейками копалась на огороде у Шурки Тимошевич, потом на веранде под кедром потребляли домашний сидр из прошлогодних яблок, заедали воючей кинзой, пили кофе из корней одуванчика. Утонченно

эстетствовали. Шурка жаловалась на мужа, я жаловалась на мужа. Пришла соседка с подбитым глазом, тоже стала жаловаться на мужа. Пришел муж (соседки) с подбитым глазом и вшитой «торпедой». Строил глазки (в смысле глаз), ел одну лишь травку. Нормальный оказался мужик, с юмором. Достойно провели вечер. Под завершающие распевы «Кленовый лист, кленовый лист, ты мне среди зимы приснись...» я отбыла восвояси. На Речном вокзале, между электричкой и метро, к моим мощам припала цыганка. «Постой, красавица, погадаю...» Я страшно удивилась. Во-первых, нашла красавицу, во-вторых, архаизм. Разве нынче они гадают? Предложить толкнуть золотишко – всегда пожалуйста, впалить болящему наркотик – тоже можно. Но прорицать? Видимо, мой затянутый поволокой взор не был расценен должно. Цыганка протянула руку: «Не бойся, милая, позолоти». – «Ну уж нетушки, – замотала я головой, неуклюже лавируя между извилистыми пальцами. – Не выросла еще та ромашка...» Развернулась и потрюхала к метро. А потом меня что-то ударило. Я встала как вкопанная, обернулась. Подсознание почувствовало беду? «Эй, дорогуша, – сказала я удаляющимся юбкам, – твоя взяла. Верши прорицание». Цыганка быстренько вернулась. Ей от силы было лет двадцать. Опрятненькая такая, серьезная. Я бы даже сказала, одомашненная. Я постаралась с ходу взять инициативу. Этим только волю дай. Раскрыла сумочку и, вынув полтину, вложила в протянутую длань. «Это предел, дорогуша. Хоть излейся, а других нет.

Есть десятка на метро, но тебя она не спасет, а меня может. Так что давай. Особо не старайся, в двух словах. Не то, что было, – это я сама знаю, – а то, что будет. И давай обойдемся без кустиков, гаражей, вырывания волосков, пустых словес, ладно? И ладошку свою я тебе не дам. Ну приступай же, не тяни...» Цыганка рассмеялась. О, боже, подумала я, – неужели чувство юмора? А цыганка тем часом, сделавшись серьезной, принялась меня внимательно пронизывать. «Только не ври про казенный дом, – попросила я слегка пересохшими губами. – Таким, как я, он отродясь не светит, так что не напрягайся». Цыганка медленно покачала головой. А потом, ни с того ни с сего, заговорила нормальным человеческим голосом: «Казенный дом обойдет тебя стороной, милая, – сказала она. Помолчала и добавила: – Но остается дальняя дорога и любовный интерес. Не забывай о них. И очень много неприятностей, уж поверь мне. Я читаю их по твоим глазам. Вот тебе мой совет: держись подальше от мужчин и... от не казенного дома. Только так ты сможешь уберечь себя...» На полуслове развернулась и пошла прочь. Но, пройдя несколько шагов, обернулась и как-то жалостливо, хотя и не без хитринки, уперлась в мои соловеющие глаза. «Даже не знаю, переживешь ли ты эти неприятности». Всплеснула руками и засемила к пригородной платформе, куда уже причаливала электричка с новым потоком дачников. «И это все?!» – разочарованно возопила я. Цыганка рассмеялась, обернув ко мне щекастую мордашу: «А чего ж ты хотела, милая, за од-

ну-то полтину?..»

Не сказать, что я сильно расстроилась после столь туманных предвидений. Не из тех мы ребят. Придя домой, я позвонила маме в Асино.

– Жутко соскучилась по вам обоим, – даванув слезу, отпартовала я. – Поздравляю всех с началом лета, повальным отключением горячей воды и наступлением Великого Петрова поста. Мамочка, неужели ты вправду выдержишь тридцать пять дней голодовки?

– Ты напечатала свой новый роман? – после бурного и продолжительного молчания спросила мама.

– Практически, – уклончиво ответила я.

Мама задумалась. Сие означало, что она медленно, но решительно опускает шлагбаум. Мое сердце это чувало, как спина ледяную воду.

– Как Антошка? – спросила я о самом главном, покуда он (шлагбаум) не упал окончательно.

– Твой сын совсем отбился от рук, – проворчала родительница. – Ты в курсе, что он уже две недели в компании таких же малолетних преступников носится по улицам нашего городка, и я не могу загнать его в дом?

– Мама, ему уже десять лет, – заступилась я за кровное чадо. – У Антошки был трудный год по системе развивающего обучения, он окончил «началку», освоил компьютер и расстался с любимой девушкой. Она оказалась сущей стервой, понимаешь? Ну не сложилось у него, мам. Пусть рас-

слабится. Ты не волнуйся, через полмесяца я его заберу, и у тебя все войдет в норму.

– Дочь, не шурши, – оскорбилась мама. – Я вовсе не хочу сказать, что твой ребенок для меня обуза. Я просто хочу сказать, моя любезнейшая...

Что именно моя мама просто хочет сказать, узнать было не дано, потому что одичавший Антошка с гиканьем и улюлюканьем вырвал у нее трубку.

– Э-ге-гей! – заорал он. – Мама, представляешь, я поймал змею! Живую!..

– Лучше бы ты поймал мертвую... – прошептала я, падая в обморок.

Через пять минут я пришла в чувство, Антошка продолжал висеть на проводе и эмоционально щебетать. Пару раз умиленно поддакнув и пробормотав, что недурно бы нанести визит их уездному эскулапу, я сделала вид, будто нас разъединили. Если не уделять внимания пойманным змеям, в городе Асино все было под контролем.

Откуда же это мерзкое чувство, как при подползающей зубной боли, запоздавших месячных, отвалившихся на полдороге каблуках – обоих сразу – хрясь, и нету?..

В любом случае пора брать кое-кого за рога. На дворе седьмое июня, понедельник, вышли сроки приличия, и если нет с небес добрых вестей, их надо ускорить. Уговаривая себя, что единственная на текущий день неприятность – мой доломанный утюг, а звонок Гульки – недоразумение, я пере-

оделась в знойно-вызывающую тунику, поводила расческой по затылку, побросала в авоську какие-то старые, невостреванные цидульки и, надев черевички на «рюмочках», подалась из квартиры.

Красавец «Мустанг» из семейства «Лендроверов», ведомый крутым мафиозо Гришей Толмачевым, уже отчаливал от бордюра, когда я метнулась ему наперерез, сигналив авоськой.

– Да чтобы наши люди... в булочную... на танке... – восхищенно присвистнул сидящий на лавочке студент Дениска.

– Гриша, ласточка, дуй на Щедрина, позарез надо. А там высадишь меня, и разбойничай сколько влезет, договорились? – безапелляционно бухнула я, падая на бортовой компьютер.

Гриша невозмутимо кивнул, постукивая печаткой по рулю. Он ценил меня. Это я за умеренную плату вдалбливала его на редкость инакомудрому чаду Гешке основы правописания «жи-ши» через «и» и писала бодрые сочинения о том, как я, в натуре, провел лето и надул папу. Это вам не отдельно взятые писательницы, у которых два высших образования и тьма незаконченных. Это иной коленкор. Непреходящие ценности подразумевают салон красоты, казино, Канары, а хрупкое и прекрасное – это ленивая жена, ее книжка про эротический массаж да золотая цепь на шее дуба. И не больше. А если больше, то это не про них.

А в целом с Гришей приятно иметь дело. Он много мол-

чит и быстро едет. Вот поэтому через пятнадцать минут я уже сидела в кабинете главного редактора издательства «Эвридика» Самуила Яковлевича Шпульмана и с тоской смотрела, как вышеупомянутый господин совестливо прячет глаза. Благообразный подтянутый мужчина с седой львиной гривой и патологически детскими глазами. За глаза его звали дядюшка Сэм. А кто-то и в открытую.

– Боюсь, это не самое приятное известие, Дина Александровна, – пробормотал старик. – Принято решение воздержаться от публикации вашего нового романа. Мы нижайше просим у вас прощения за введение вас в заблуждение посредством необдуманного предварительного согласия.

Я не буду расписывать, как во мне все замерзло. Это было больше чем неприятное известие.

– Почему? – прошептала я. – Вы с восторгом отзывались о моих первых вещах... Вы одобрили мою последнюю вещь...

– Извините, Дина Александровна, я и дальше продолжаю одобрять вашу последнюю вещь. Равно как и все предыдущие. Но вы должны нас понять – мы не благотворительная организация, раздающая подарки. Ваши творения могут одобрить я, их может одобрить наш гендиректор, его секретарша и еще человек пятьсот-шестьсот в нашем полуторамиллионном городе. Кстати, именно столько экземпляров вашего последнего романа мы и продали. Из десяти тысячного тиража, понимаете?

Я машинально кивнула. Понимаю. Как не понять.

– Угощайтесь. – Дядюшка Сэм подтолкнул ко мне вазочку с барбарисками и вновь уткнул в стол добрые глаза.

С трудом представляя, что делаю, я развернула обертку и бросила конфету в рот.

– Дина Александровна, душечка, мы с вами живем в тяжелое время, – вкрадчиво сообщил редактор. – Время требует от нас новых решений. Высокохудожественная, интеллектуальная проза с хитроумной фабулой, требующая от читателей наличия эрудиции и напряжения ума, нынче не в чести. Во всяком случае, не в Сибири. Давайте же будем адекватны и параллельны нашему миру, любезная Дина Александровна. А параллельность в данном случае означает полный отказ от претензий на высокий эстетизм и прочую тургеневщину. Побольше мускульной тяги и поменьше интеллектуальной, знаете ли. Понимаете? И как можно больше пальбы. Как гласит конъюнктура рынка, дражайшая Дина Александровна, сегодня в ходу именно такое. Ситуации динамичные, захватывающие, допустимы даже те, которых не бывает, но которые теоретически возможны при определенных условиях, то бишь эвентуальны. И при этом, заметьте, ни грамма фантастики. Вы догадываетесь, какой я смысл вкладываю в слово «фантастика»?

– Просто Сцилла и Харибда какая-то, – горько усмехнулась я. – Впрочем, если не ошибаюсь, я знакома с парочкой авторов, работающих в означенных рамках. Искренне считала, что им не хватает словарного запаса. Вы предлагаете

заняться эпигонством?

Дядюшка Сэм пожал плечами:

– Вас никто не насилует. Пишите в стол.

– Тема?.. – внезапно, сама себя не понимая, прохрипела я. Глазки визави потеплели до полного неприличия.

– О, я вижу, вы на верном пути, сообразительная наша Дина Александровна... Все правильно, гибче надо быть, гибче... Поверьте, мне самому претит... Итак, учитывая вашу склонность к описанию красот родной природы, могу порекомендовать следующий вариант: сибирская, прости господи, экзотика. Тайга, горный кряж, туманный распадок. Два десятка вооруженных парней – они, конечно, плохие. Один без оружия, но с уймой достоинств – он, естественно, хороший. Беззащитная женщина. Уединенные секты, заброшенные погосты, шаманские обряды, происки всевозможных спецслужб... Список внушительный. Осилите? Оч-чень ходкая тематика, должен вам доложить.

– Я подумаю, – хрипнула я, давясь барбариской.

– Подумайте, – дядя Сэм обозрел меня со скепсисом и немного жалостливо. Покачал умудренными в литературных боях сединами. – Успехов вам, дорогая коллега. И здоровья крепкого. И папочку свою заберите, пожалуйста. Нет, не ту, с которой вы пришли. Предыдущую. Впрочем, и ту тоже заберите...

Одна-единственная мысль, как электродрель, сверлила мой череп на обратном пути. Сизиков... Гаденыш! Опере-

дил! Проведал про мои проблемы и стал подъезжать с грязными намеками. Как узнал? Да легко! – снял трубку, позвонил в издательство... Алло, это некий Шизиков из Комитета государственной безопасности... Да что вы говорите? Нет такого комитета? А какой есть? Ну, неважно. Итак, уважаемый сэр, отломите мне кусочек вашей мацы, в смысле информацы... Ха-ха. Позвольте узнать, как обстоят дела у некой особы – моей хорошей знакомой и так называемого талантливого литератора. Все ли у нее в порядке, как дела с новым романом, не иссякла ли народная любовь?..

Сволочь. А зачем ему это надо?

Впрочем, дома течение моих мыслей ушло в сторону. Пропал городской шум, явились тишина и прозрение. Я поняла, что не сплю. Только не плачь, – приказала я себе. Ну, изгнали тебя из храма, ну и что? Ведь это не конец? Заквасив тесто, я с удобством расположилась на лоджии и стала прикидывать, что светит в текущем месяце. А ничего не светит. В рейтинг журнала «Форбс» не попаду. Пять бумажек американских денег – не в счет, это на самый край. Работы нет, роман не пошел, алиментов не дождешься. Хотя, впрочем... Я задумалась. Нет, не дождешься. Ветров прекрасно знает, что конец мая и июнь я сижу без Антошки, ребенок на полном пансионе у мамы в Асино, а следовательно, мужнины подачки я истрачу исключительно на себя. Не поведется. Проходили. Одно время я хотела подать на алименты, но быстро передумала. Гарантированный минимум (а Ветров

договорится с любой бухгалтерией) и испорченные отношения? Я, конечно, дама с гонором, но зачем так глупо? А поле для маневра? А готовая все простить невиданной широты русская душа, которую, по мнению классика, давно пора сузить?

Можно, конечно, пойти поторговать. Колготками, пирожками, телом. Нет, телом уже нельзя. Можно прикинуться панинкой и выйти замуж за миллионера. Можно организовать мировой консорциум. Можно молиться, молиться и еще раз, черт возьми, молиться. Продать последнее, отправиться в ермаковскую тайгу на милость великого Виссариона – нового Христа, тиберкульского Учителя и бывшего мента из Минусинска. Чем не выход? Там меня научат. Можно в сжатые сроки последовать с конца на конец (то есть совету дяди Сэма) и изобразить героическую сагу из борьбы новых русских Кафтановых со старыми русскими Савельевыми, проистекающей под лютое гуденье таежного гнуса. И не забыть снабдить это горе луковое псевдонимом... «Красилина, у тебя, определенно, литературные способности, – говорило в восьмом классе, сверкая единственным зрячим глазом, стареющее грозное создание по имени Татьяна Павловна – заведующая учебной частью и преподаватель литературы в средней школе. – А если ты у меня не вылезает из троек, то это следует из нежелания работать. Твоя соседка Гжельская не вылезает из пятерок, но я скажу тебе честно, Красилина, при попытке связать два слова с третьим она не стоит твоего

обкусанного мизинца. Но старается. Порой до смешного. А ты в это время витаешь в своих эмпириях и вместо классной доски видишь классных парней». Очевидно, я хотела замуж. До боли, люто, невтерпеж...

На том и обожглась. Правда, не сразу. Этот любвеобильный тип охаживал меня весь третий курс филфака, медленно, но верно загоняя в засаду. Его фамилия была (и осталась) Ветров. Он не соответствовал моим представлениям о надежном, постоянном муже. Возможно, я ошибалась, но никогда не считала, что идеальный муж – это умеющий постоять за себя и даму интеллеktуал с физиономией обрусевшего Алена Делона. Сколько раз в располагающей к исповеди обстановке я старалась ему доказать, что постель – это, конечно, здорово, и под душем он поет лучше всяких паваротти-фаринелли, но для мытья полов и вечерних пробежек с мусорным ведром мне требуется человек попроще и подомашнее, а не вы, любезный, – галантный и надменный, щедрый и непредсказуемый...

Ко всем его недостаткам он оказался и классическим занудой. Поскольку не отставал. В итоге меня пробило: а не выйти ли за него замуж, чтобы отстал раз и навсегда? Так и сделала. Через восемь лет он отстал от меня окончательно. Растлил чистоту и загубил молодость. И тогда я поняла: какое счастье – быть незамужней бабой! Пусть с орущим дитем на руках... Впрочем, были светлые моменты. Жизнь паслась по закону зебры. Антошка вырос из ползунков, свекровь

смиренно несла крест нянечки. На третьем году моей работы обозревателем рынка товаров и услуг молодежного еженедельника Ветров сообщил:

– Я уже не работаю редактором этого областного «боевого листка». С завтрашнего дня руковожу департаментом областного управления ФСБ по борьбе... извини, по работе с прессой. Говорят, фантастический взлет.

– О господи, – сказала я, впервые в жизни перекрестясь.

– Пусть трепещут, – Ветров мужественно осклабился. – Теперь ты, Динка, можешь уйти с работы и вплотную заняться творчеством. Или сидеть с Антошкой и слушать «Радионяню». Прокормимся. А твою шубу из искусственной чебурашки мы постелим на пол.

– Хорошо, – сказала я после недельных колебаний. – Я уйду с работы. А ты паши. Но только не бери взятки.

– Поздно, Динка, – сконфуженно развел руками Ветров. – Я уже взял одну. Вон, в левом кармане...

Через год, вместо того чтобы посадить в тюрьму, Ветрова назначили главой какого-то секретно-«хлебного» ведомства, и в дом потекли не какие-то там деньги, а приличный прожиточный минимум. Откуда он его изымал, я не спрашивала. В то время, когда рядовые работники плаща и кинжала хронически жаловались на зарплату, получка Ветрова в день составляла два моих газетных оклада. Через полгода из однокомнатной квартиры на окраине Западного жилмассива мы переехали в благородную полногабаритную в цен-

тре, еще через три месяца ее обставили, и Ветров приобрел свою первую иномарку. А я напечатала роман. Помнится, в ту слякотную, отнюдь не Болдинскую осень я бродила побирушкой от лотка к лотку и интересовалась у замерзающих продавщиц количественными и качественными показателями раскупаемости «вон той серо-бурой книжонки с каббалистическими загогулинками на обложке». Количество радовало, качество настораживало. Хотя и не очень. Исходя из отрывочных наблюдений и воспоминаний, основными потребителями моей продукции являлись хорошо одетые женщины интеллигентной наружности от тридцати до сорока пяти с небольшими отклонениями в плюс и минус. Вооружившись калькулятором, я поделила городское население на ряд показателей демографического упадка, умножила частное на коэффициент погрешности, отняла от произведения предположительное количество неграмотных, умственно отсталых и богатых и получила в итоге что-то порядка ста пятидесяти тысяч потенциальных читательниц (почитательниц). То есть на мой век хватало. И это было отрадно. Вторая книга ушла влет. Вслед за первой. Хитроумный сюжет с детективной интригой, коварство, любовь, изящные повороты, а главное – никакого «мыла» – вот чего не хватало нашим хорошо одетым книгочейкам! Третий роман тоже слопали. Потом случился развод с Ветровым, но он лишь подбросил топлива моему вдохновению, и меня стали узнавать на улицах (два или три раза). За четвертым романом редактор са-

молично прибыл ко мне на дом, а пятый – исходя из обобщенного опыта написания первых четырех – в строгом соответствии с моей амбициозностью просто обязан был стать шедевром мирового масштаба, и, возможно даже, стал, но... Случилось страшное.

От трогательной ретроспективы меня отвлек звонок в далекой прихожей.

Этот день уже не мог принести приличных гостей. Но я пошла открывать. Потирая греко-римскую сопатку, в прихожую вломился сияющий, как полковая труба, Борька Сизиков. Вытер ноги и сразу стал принюхиваться. Из кухни пахло вылезавшим из кастрюли тестом, о котором я в пылу реминисценций забыла.

– Красна изба пирогами, – радостно сообщил Сизиков, сдирая с ног пижонские туфли «Studio Pollini» за триста долларов.

– А роща дубами... – расстроено пробормотала я и побрела на кухню, запихивать в кастрюлю потенциальные пироги. Гулька плелся сзади, бормоча на ходу, что не будет ли дозволено верному паладину пристроиться у ног любимой дамы, поскольку в родных пенатах его уже на дух не выносят и на даму вся надежда. Я махнула рукой.

– Могу включить духовку, – расщедрился Гулька, по-простому влезая на табуретку – под сень разросшейся алаказии.

– Не надо, – испугалась я.

– Хорошо, не буду, – согласился Гулька. Подпер щеку ко-

стяжками пальцев и задумчиво так на меня уставился. Через пять минут, когда я расправила с тестом, скатала колобок и стала проделывать в нем дырочки для глаз, он соизволил очнуться.

– Ты знаешь, – сказал Гулька, лениво созерцая мои манипуляции, – мне надо исчезнуть из города. Дней на десять. Чтобы начальство обо мне ни гугу, а я о нем. Назову это отпуском. Устал я, Динка.

Я молчала. Какое мне дело?

– Хотел податься в Анталию, – вздыхая, продолжал Гулька. – Или на Кипр. Или в Ликию – не слышала? Чудное местечко, где встречаются Средиземное и Эгейское моря. Но, увы, не могу. Денег осталось всего два мешка, не хватит. Поеду на Телецкое. Подлечусь. Там на лошадках катают и ни одна сволочь не достанет. Если что, в горы спрячусь.

– Удачи, – пробормотала я, доставая из холодильника банку со сливовым конфитюром.

Гулькин нос заходил ходуном, одобрительно принохиваясь.

– А хочешь, вместе поедем, а, Динка? Отлично время проведем.

– Я что, ненормальная? – ужаснулась я. – Сопли-то морозить. Ты знаешь, какая температура в Телецком озере?

– А мне это надо? – скис Гулька.

Пару минут он хранил безмолвие, ковырял пальцем в горшке с алаказией. Я уж стала подумывать, как бы его

выпнуть. Но он все-таки заговорил:

– Извини за сегодняшний звонок. Не хотел тебя расстраивать, но так уж получилось. Я позвонил в издательство, поинтересовался, как у тебя дела с новым романом, а мне сказали, что твоя эра кончилась. Я думал, ты знаешь.

Гаденьш, подумала я. Выходит, повторно звонил дяде Сэму, уже после моего визита. Потому что знает, что я знаю. По глазам.

– Не расстраивайся, – хмыкнул Гулька. – Всякая творческая судьба состоит из взлетов и падений. Не я это придумал.

– Как это нежно с твоей стороны, – фыркнула я, яростно открывая ножом банку с конфитюром.

Гулька с сомнением поглядел на моего коlobка:

– Полагаешь, получится?

– Должно, – пожалала я плечами. – Если под руку не нагадишь.

– Ну тогда я попозже зайду. К столу, – Гулька подтянул к глазам циферблат своих «Командирских». – Мне еще надо кое-кого утрясти. И вообще, я пока не в отпуске.

С некоторой настороженностью я смотрела, как он уходит в прихожую, топчется под дверью, надевая туфли. Гулька Сизиков – странная личность. В бытность мою женой Ветрова он часто приходил в наш дом, шутил, травил анекдоты. Но так и не вжился в роль друга фамилии. У меня создавалось впечатление, что он относился ко мне с большой долей иронии. Как к ребенку. Наверное, оттого и не стал другом. Хотя

имел все шансы, ибо был умен, начитан и располагал достаточно приемлемой для общения внешностью. Гульке было лет тридцать пять – тридцать шесть, то есть не молод, не стар, среднего, я бы даже сказала худощавого телосложения, на пару сантиметров выше меня (а я не пигалица), носил аккуратный проборчик, слегка дугообразный нос, циничные губы и нахально улыбающиеся глаза цвета кошачьих. А к обидной кличке, на коей всячески настаивал Ветров, не только притерпелся, но даже как-то вызывающе ее выпячивал, что одно время вызывало подозрение, а потом привыкло.

– Так не поедешь на Телецкое? – Гулька взялся за дверь.

Я покачала головой:

– Некогда.

– Понял, – кивнул Сизиков. – Не смею настаивать. Я знаю, ты занята, нужна тема, на которой легко срубить бабки. Извини, но я вторично звонил издателю.

– Тебя волнует чужое горе? – прищурилась я. – Чего ты обо мне печешься?

– А хочется, – ослабилась Гулька. – Больно мне видеть, как уходят твои годы, понимаешь? Не хочу я, Динка, чтобы из всех состояний живого организма – то бишь сна, бодрствования, анабиоза и комы – ты жила преимущественно в двух последних. Может быть, я тайно влюблен в тебя?

Подмигнул и убрался из квартиры. Необычно как-то.

Туманов П.И.

Площадку замусорили качественно. Окурки, мятая пачка из-под «Пэлл-Мэлл», пластмассовые стаканчики, пустая бутылка с надписью «Сибирская тройка». Рублей сто пятьдесят, не меньше. Туманов указал на нее Славе, шепотом поинтересовался: «Сколько они взяли, три?» Слава показал растопыренную пятерню и так же шепотом добавил: «И триста баксов». Пять тысяч деревянных и три сотни зеленую. Было на что погулять. Уступили соблазну, уроды.

Шептались, в общем-то, зря. Оба отсека с дверями отгорожены добротными металлическими стенами. Весь подъезд укрепили – пулеметов не хватает. В прошлом году на Яркоградской в подобном подъезде мужика зарезали в трех шагах от собственной квартиры – никто ничего не слышал. Услышишь тут.

Старший группы захвата, сержант ОМОНа с характерной кличкой Броник, пребывал в меланхолии. Сначала железная дверь, потом квартирная – хорошо, если одна и деревянная. Хоть взрывай. А уроды успеют проснуться и все, что смогут, уничтожат. И не их судить будут, а старшего лейтенанта Туманова – за нарушение неприкосновенности жилища, ст. 139-я.

– А может... – начал с умным видом Лева Губский, друг и напарник.

Какую каверзу он хотел предложить, так и не узнали. За скрипел замок. Кто-то собирался выйти. Туманов взмолился – хоть бы из нужной квартиры...

Замок защелкнулся, и Губский показал большой палец – молитва дошла по адресу. Броник неслышно отошел за дверь, улыбнулся плотоядно. Туманов прижался к стене. Еще замок...

Отмечали, похоже, неслабо – вышедший не сразу сообщил, что веселье кончилось. Пакет выпал из ослабевшей руки, десятирублевые купюры (крупные, видать, кончились, у Окладникова были сотенные) рассыпались по бетону. Не хватило, или опохмелка пошла? Гонца, как куклу, передали вниз – омовцам. Перевернули вверх ногами, потрясли. Броник продемонстрировал ключ – лень было Шабану дверь открыть? Или спит?

Организатор преступной группы, как выяснилось, не спал. Вякнул лениво: «Принес, Жека?» – и получил вместо ответа стволом по конопатому лицу. «Пили дружно, пили хорошо», как писал в дневнике, еще будучи наследником, невинно убиенный Николай Александрович. Целые и битые стаканы, вскрытые банки с корюшкой и ряпушкой, пивная и водочная тара... Женское тело «а натюрель» на диване – не спит и прикрыться не пытается. Неудивительно, потрепанные прелести Жанки Обходчицы всему вокзалу известны. Опер Слава приволок всхлипывающего гонца. «Сын хозяйки, Шилов Евгений Витальевич, 82-го года рождения, не ра-

ботаает». Теперь будет. Хозяйка, понятно, на даче клубнику поливает. Понесет витамины сыночку, а в камере отберут... Не жалко ни разу.

Туманов отзвонился в РУВД, машину обещали. По возможности. В малой комнате кололся Шилов, задавая глупые вопросы о «чистосердечном признании». Слава не возражал, заполнял протокол казенными оборотами, костеря китайскую шариковую ручку. В ванной громко приводили в чувство Шабанова – Броник перестарался и теперь оказывал первую помощь. Дай бог, не последнюю – дважды судимый Шабан наверняка пойдет в «несознанку». Не поможет: финку с красивой наборной ручкой извлекли из кармана его куртки, засунули обратно, позвали соседей в качестве понятых и снова извлекли.

– Паша, полста примешь? – поинтересовался Губский, сдирая пробку с ополовиненной бутылки «Каинского». – И чего он поперся, у них тут еще пить да пить.

– Радуйся, – отозвался Туманов, поднимая рюмку. – Где бы мы с тобой взрывчатку добывали?

– Помнишь Семенова, ветерана со справкой? – поддержал вошедший Слава. – Лев Васильевич, и мне чуть-чуть. Спасибо. Он тут неподалеку живет, на Суворова.

– Выпустили? – удивился Туманов. Года четыре назад, за день до визита «гаранта конституции», они со Славой проводили обыск у майора от инфантерии в отставке Семенова. По данным участкового, майор всему двору расписывал,

как «взорвет на воздух» наймита ЦРУ. Наймита не наймита, но взорвать желание было – в зимнике обнаружили четыре самодельные тротилловые шашки, в диване – двустволку и жаканы, а в серванте – справку: о том, что майор «с момента отставки состоит на учете в районном психодиспансере». Вояку, понятно, сплавили в дурдом с наказом не выпускать, пока нового гаранта не выберут, а шашки отдали государству – все до единой. Почти.

– Нехватка персонала. – Слава выпил, выловил в банке помидорчик помоложе, аппетитно захрустел. – Монтана, мужики. Я бы такие дела каждый день раскрывал. Шило поет – заслушаешься. Заставили, убить грозили, квартиру сжечь...

– А я бы таких ублюдков с рождения давил, – отозвался Губский. – Ну теперь, слава богу, Шабан надолго сядет. Мужики, вы как насчет продолжить банкет? Я вчера заначку простреленную нашел. Есть одно национальное русское блюдо...

– Напицца, – хохотнул Слава.

Туманов качнул головой:

– Нет уж, мужики, спасибо. С вами опять надерешься до белых единорогов. Домой пойду. Спать.

Никто не спорил – заслужили. По свежим следам за ночь вычислить клиентов – это надо постараться. Пресса тоже не зевала – сообщила, что «коммерсант Юрий Окладников, сопредседатель фонда «Стабильное развитие», погиб в результате мафиозных разборок», повторяя любимую фразу на-

чальника пресс-центра ГУВД. Хорошая в городе пресса, что ни скажут – всему верит.

Поспать, конечно, не дали: телефон исполнил что-то из «тревожной молодости» – явно межгород.

Упал будильник, пульт дистанционки, подушка, сам чуть было. Примчался Жорка из прихожей – добродушный ретривер – поучаствовать в переходе трубки от аппарата к уху хозяина. Рука уткнулась в мокрый нос, машинально отвесила щелчок.

– Паша, здравствуй... – в трубке трещало, как в печке. – Леша у тебя?

Звонила сестра из далекого города Самары. Алексей был ее старшим сыном, Туманову – племянником. Это опер, пусть уставший и не спавший, сообразил. Другое дело – чего парень забыл за три тысячи верст от дома?

– Он что, должен приехать?

– Паш, ты меня не пугай, – испугалась Ленка. – Разве он у тебя не был? А говорил...

– Стоп, – перебил Туманов. – Давай заново. Когда уехал? Номер поезда?

– Восьмого мая... Паш, я не помню номер, вагончик синенький такой, проводница Снежана, беленькая, хорошенькая такая... В два часа дня... Паша, я...

Это месяц назад. Ни хрена себе... Куда парня понесло?

– Куда и зачем?

– К вам, в командировку... То есть ему предложили работу...

– Какую работу?

– Хорошую... По специальности. От тебя недалеко. Фирма... Вспомню сейчас... Да, вспомнила. «Ди-джей-эр Фармасьютиклз». Кажется, так. Ди-джей-эр... И адрес есть, конверт такой длинный, фирменный. Сейчас найду, подожди...

Алексей Сальников, двадцати пяти лет, дипломированный фармаколог. Скромник, умник. Пьяные драки (и убийства) в поездах пока оставим в покое и прикинем... Туманов устался в серый холостяцкий потолок. Что первое приходит в голову? Лекарства тоже оставим в покое... «Дурь», понятно. Очень популярно. В данном случае – производство наркоты. От ханки до... Ди... этиламид... лизергиновой кислоты – так, кажется. ЛСД расшифровывается.

– Нашла. Вот, – Ленка продиктовала адрес. Записывать нечем и незачем – три квартала от собственной хрущевки, уж как-нибудь.

– Ты от него получала известия?

– Да, телеграммы. Здесь, вот...

– Читай, – ничего явного телеграммы не доказывают. Кроме одного – что о пьяных драках, опять же, вспоминать незачем. Слава богу.

– «Доехал нормально устраюсь сообщу Алексей».

– Дата какая?

– Десятое...

Все правильно, поезд два дня идет. Максимум, если не скорый. Что, зайти не мог, племянничек?

– А вторая?

– «Работаю все лучшим виде напишу Алексей». Двенадцатого отправлена...

Он не стал говорить Ленке, что лексикон не Лешкин. Ни к чему. Хотя... три года не виделись. Но, в любом случае, странно.

– Написал?

– Нет... Паша, да что случилось? – Сестра явственно всхлипнула.

«А мне откуда знать?» – ответ неправильный.

– погоди, сестренка, не реви. Разберемся. Позвонит – скажи, чтобы мне перезвонил или зашел. Где работаю, помнит?

– Да, Паша...

– Ну и прекрасно. Ну чего ты разревелась? Запрягли парня в работу, химичит с восхода до заката, пирамидон свой штампует, а контора рядом – мало ли почему, это офис, официальный юридический адрес, а завод где угодно может быть, город огромный, – нес околесицу Туманов, гася наметившуюся истерику. – У тебя-то дома как? Рассказывай. Вадим куролесить бросил? – Тумановский зять Вадим Сальников год назад решил закодироваться (вернее, решили), причем имелись все основания предполагать, что решение серьезное.

– Да, почти не пьет, самой не верится... Паш, ты точно

узнаешь?

– Конечно, Лен, не переживай на пустом месте... Все, хватит рубли мотать. Найду Лешку – позвоню. Да, стоп – он как прикинут был, мм... в смысле, одет?

– Джинсовый костюм, новый, серый...

Мятый...

– Мы у ЦУМа ему на день рождения купили... Паша, да ты правду скажи...

А правду не скажем. Не знаем... Насилу успокоив сестру и попросившись, Туманов нажал рычаг. Пролистал в голове пару страниц, отпустил, набрал номер.

– Резерв проводников?.. Здравствуйте. Из РУВД беспокоят, старший лейтенант Туманов. Будьте добры, посмотрите, поездная бригада...

Пока выслушивал ответ, отрешенно наблюдал, как Жорка исполняет свой коронный номер. Положил лохматую голову на простыню, устоялся на хозяина почтительно и преданно. Как бы невзначай пристроил лапу на диван, выждал. Не встречая возражений, подтянул вторую, снова невзначай, снова выждал – вроде все нормально, – подтащил заднюю лапу, вцепился когтями в простыню, начал переваливать на диван немытую, нечесаную тушку. Заработал последней конечностью – еще немного, и... Осуществится заветная мечта.

– Спасибо, – Туманов со вздохом положил трубку, машинально буркнув: – На место.

Глубоко задумавшись, наблюдал, как четвероногий хитрец, испуская человеческие вздохи, с поджатыми ушами плетется в прихожую. Светка Богомолова, кассирша из «Пятерочки», навещающая Туманова через две ночи на третью, этот номер обожала всей душой, ломая Жорке кайф в самый ответственный момент. Порой жалость брала за простодушного приятеля.

Красилина Д.А.

От визита Гульки на душе остался неприятный осадок. Подготовка с элементами насилия удовольствия не доставляла. Я убрала колобка в холодильник, сняла халатик и встала в позу «Журавлика» – вытянула спину, уперлась ступней правой ноги во внутреннюю часть левого бедра, отвела правое колено до упора, а глаза закрыла и принялась сохранять равновесие в течение тридцати ударов пульса. Потом приоткрыла правый глаз и посмотрела на изображение в трюмо. Лучше бы не смотрела... Но видимость успокоения появилась. Я надела халатик, выудила из шифоньерки плед и улиткой свернулась на тахте, ощущая острую потребность пошевелить мозгами. Но мысли не клеились. Вместо стройного решения перед глазами вертелась карусель: цыганка с тревожными прогнозами... беспокойство... Гулькины глаза, ждущие ответа... родная мама, никогда меня не понимавшая... Антошка со змеей... дядя Сэм, прячущий взгляд... напрас-

но проделанный труд... опять цыганка, опять Сизиков, строящий из себя простака, хотя никакой он не простака...

Кажется, уснула. А проснулась от страшного звука, заставившего меня похолодеть. Кто-то вставлял ключ в мою замочную скважину! Нет, это был не сон. С колотящимся сердцем я вылетела из-под пледа, на носках заметалась по комнате. Входная дверь уже изнемогала от скрипа, кто-то шаркнул через порог. Трепеща от ужаса, я отодвинула стекло серванта, схватила баллончик с «Черемухой» (сколько лет он тут!). Стоящий рядом бокал «Люминарк» брякнул о вазочку с карамельками. Я чуть не задохнулась от страха, замахала руками, а ноги мои, наоборот, парализовало, и я неуклюже работающей мельницей застыла посреди комнаты.

Визитер с удивленными глазами возник в проеме.

– Динка, ты чего семафоришь?

В голову мою ударило мощным разрядом.

– Идиот!! – закричала я, швырнула в вошедшего баллончиком и в изнеможении упала на тахту...

Пока я, скрипя зубами, приходила в себя, Ветров заварил на кухне кофе, ехидно похихикивая, притащил поднос с двумя чашечками и устроился рядышком.

– Меня неприятно удивляет твой цветущий вид, – дерзко заметила я.

Ветров продолжал хихикать.

– Сволочь, – со знанием дела продолжила я, принимая в

руки дымящийся напиток.

– Давай без эпитетов. Что-то ты сегодня нервная, – оскандился Ветров, пожирая меня глазами с той же цепкостью и напором, с каковыми получасом ранее пожирал Сизиков.

Влипла, очкастая, чертыхнулась про себя я. Ну что им всем надо? От бедной, никому не нужной писательницы?

– И волосы твои... Не пойму я, какого они цвета, – вслух задумался Ветров, критично созерцая мою не так давно перекрашенную в пепел челку.

– Седые... – прохрипела я, возвращая чашку на поднос. – Ветров, откуда у тебя ключи?

Он промолчал. Но улыбнулся загадочной улыбочкой сфинкса и с интересом стал разглядывать то место, где мой экономный в плане расхода ткани халатик плавно перетекал в ноги. Последние были ничем не выдающимися, но, видимо, чем-то его заинтриговали. Решительно фыркнув, я накинула на колени плед. Ветров отвел глаза.

– Надеюсь, ты пришел не рассуждать об эксгумации старых чувств? – ядовито предположила я. – Учти, Ветров, у меня давно прошла к тебе всякая там любовь, так что не надо ворошить старые одеяла. И забудь про свое обаяние – я умею драться. А теперь гони ключи.

И высокомерно протянула ладошку. Он, как ни странно, не заворчал, а с готовностью оторвал от дивана задний карман и извлек из него два ключика, подозрительно похожих на мои. Я приблизила их к глазам. Еще как похожи. Слепочки

снимаем, товарищ гэбист. Я подняла суровый взгляд. Ветров глупо улыбался, распространяя вокруг себя амбре дорогого «Кашареля». Когда-то я им восхищалась. Теперь меня трясло от него, как припадочную.

Судя по охотке, с которой Ветров расстался с ключами, у него дома имелась парочка дубликатов.

– А теперь выкладывай, зачем пришел, Ветров.

Ветров заговорил не сразу. В качестве прелюдии он вдумчиво обозрел мои волдыристые обои, пылеглот в углу, бурое пятно на потолке – горькую память о прошлогоднем потопе, подмигивающий видеодисплей и уж в завершение, дабы не выглядеть полным идиотом, вымолвил:

– У меня к тебе три дела. Три желанья.

– Нету рыбки золотой, – аукнулась я.

– Спрячь бивни. Во-первых, мне нужно забрать кое-какие вещи, которые не твои. Во-вторых, должен тебе доложить, что некоторое время не смогу выплачивать Антошкины алименты. Банк крякнул, я на мели. Возможно, вернусь в ФСБ, а возможно, нет – вопрос завис. Не психуй и не выражайся: месяца через три отдам все огулом. Перебьешься как-нибудь? Вот и умница... И третье, – Ветров приблизил ко мне свои красивые глаза и посмотрел прямо в душу. Зачесалась переносица. – Будь добра, объясни, но только честно: зачем в твою квартиру приходил Сизиков?

Некоторые считают, что любовь – скоропортящийся про-

дукт, ее нельзя долго держать в тепле, а нужно почаще помещать в морозильную камеру или в какой-нибудь стылый вакуум. А если поблизости нет ни того, ни другого, то хотя бы периодически помешивать. Это их право. А мы (Дина Александровна) утверждаем обратное – только на тепличных почвах вырастает дерево идиллического благоденствия и обоюдной любви. Проверено. За полтора года развода я действительно растеряла высокие чувства к Ветрову и была несказанно рада, что его нынешнее присутствие в подobaющей упаковке меня практически не напрягает. Вот раньше – это да! Когда он объявил во всеуслышанье, что устал от моей невротичности, что такую судьбу он видел в изделии мастера Безенчука и вообще пришвартовался к другой – пусть пустышке, но воспитанной и предсказуемой, – я пережила полный распад личности. Когда отчаянным усилием воли я сложились обратно, то обнаружила себя с Антошкой в новой квартире типовой девятиэтажки у вокзала – трижды суженной, но тоже на шестом этаже. Как потом выяснилось, это была квартира новой цыпы моего нравственного уroda. А сам урод продолжал жить на старых площадях, в старом качестве, но в новом окружении. Комбинация, конечно, изящная, но, хоть убей, не пойму, какую выгоду он на ней поимел, кроме еще одной эпиталамы в свою честь. При «случайной» встрече с его юной пассией я обнаружила, что у этой отроковицы ничего нет, кроме глаз. При второй «случайной» встрече я обнаружила, что у нее нет даже

глаз, поскольку коровьи гляделки навькат – это не глаза. При третьей встрече я со злорадством отметила, что моя победительница страдает преждевременным отложением солей, имеет в голове три с половиной слова и решительно не ведет, чем лизинг отличается от минета, травести от трансвестита, а Юпитер с Юноной от «Юноны» и «Авось». На чем и успокоилась, убедив себя, что нет худа без добра, а ре-негату отрыгнется. Даже пожелала ему успехов во всем и в сексе отдельно. А тем временем неплохая иномарка Ветрова отрадным образом трансформировалась в горку наличных, осевшую в моем кошельке, и смешную машинку «Оку», на которой он стал ездить (впоследствии жаловался, что, когда садится за руль этого «кабриолет-коктейля», у него возникает забавное ощущение езды на велосипеде). Он ушел из ФСБ и подрядился руководить службой безопасности коммерческого банка «Спарта», имеющего тесные связи с руководством города, а следовательно, опять же с ФСБ. Отсюда я и поняла, зачем ему пудреница на колесах. Для дураков – вот зачем. Чем он занимается в своих клоаках, я никогда не интересовалась. Он приходил два раза в месяц, справлялся о творческих достижениях, метал пироги, возился с Антошкой и, довольный собой, отчаливал, полностью уверенный, что такого папашку, как он, поискать надо. А мне, собственно, его визиты были по барабану. Влияния на Антошку он не имел, нервной дрожи во мне не генерировал – так что я взирала на него сквозь пальцы. В последний раз он появил-

ся двадцатого мая – в аккурат за день до «командировки» Антошки в Асино. Сидел молчаливо, казался каким-то усталым, задерганным. Отказался от пирогов. Думаете, я стала спрашивать, что случилось?..

– Динка, не молчи. Зачем приходил Сизиков? – настойчиво повторил Ветров.

Они охладели друг к другу задолго до нашего развода. Отношения поддерживали строго деловые, а в суть их дел я никогда не посвящалась. Но не раз в моем присутствии Ветров проходил по Сизикову живописными оборотами, кровожадно молотя кулаком по ладошке и поглядывая на дверь. Может быть, он забывал, что перед ним всего лишь я? Или намеренно?

– Тебя интересует, спала ли я с ним? – тонко усмехнулась я. А сама в этот момент думала о другом. «Интересно, – думала я. – Он выслеживал меня или Сизикова?»

– Меня интересует все, – нахально заявил Ветров.

– Ну хорошо. – Я пожала плечами. – С твоим Сизиковым я сегодня не спала. А приходил он затем, чтобы спеть Лазаря и пригласить меня на Телецкое озеро.

– Куда-куда? – Ветров остолбенело разинул рот.

– На Телецкое озеро, – отрубил я. – Вот крест божий.

Проштудировав мою честную физиономию, Ветров, очевидно, пришел к выводу, что я не вру. В связи с чем провалился в глухую задумчивость и надолго замолк. Через вечность включился:

– А зачем?

– Ты это у меня спрашиваешь? – удивилась я. – Он сказал, что уезжает в отпуск, но на Кипр рассчитывать не может, поскольку денег у него осталось всего два мешка, то есть совсем мало. Остается Телецкое озеро. Посуди сам, страна маленькая, больше некуда.

– Вот гаденыш, – Ветров восхищенно покрутил аккуратно стриженной макушкой. Вскочил и, погрузив пальцы в джинсовые карманы, стал вышагивать по комнате, как Ленин по Мавзолею.

– А в чем, собственно... – начала было я.

Но тут Ветров остановился и, уперев в меня указующий перст, выразительно прищурился.

– О чем он еще говорил?

– Больше ни о чем, – вымученно соврала я.

Не люблю, когда в меня тычут перстами. Вот, в сущности, и все. Отфыркавшись и забрав какие-то гляцевые книжки (я наивно считала их своими), Ветров удалился, практически не попрощавшись и не оставив полезных инструкций. А я долго еще сидела на тахте, безуспешно пытаюсь выудить из головы хоть одну, хоть завалящую идейку.

На следующее утро мною овладела жажда деятельности. Я обзвонила пару десятков знакомых, имеющих отношение к печатному слову, и попыталась приобрести представление о конъюнктуре книжного рынка. О тщета надежд! Мнения

расходились, как дороги на перепутье. Одни абоненты заводили длинную песнь из разряда «ни о чем», на середине которой приходилось их тактично прерывать, другие, напротив, вежливо интересовались, неужели мне нечем заняться, и если это так, то почему бы нам не прогуляться с данным имяреком до ближайшего «фаст-фудика» – выпить чего-нибудь доброго, а потом не сбегать на пляж, поскольку погода – самый Ташкент, а на завтра уже обещают обледенение. Лишь один из этих остряков посоветовал что-то вразумительное. Его звали Лев Хокайло, он носил огненно-рыжую бородищу и работал одним из многочисленных редакторов карманного издательства «Лира», паразитирующего на выпуске карманных русско-латинских (и наоборот) словариков. О том, почему наши с ним отношения в обозримом прошлом пару раз выходили за рамки делового эпистолярия, я распространяться не буду.

– Трудный случай, – я зримо представила, как Хокайло держит плечом трубку, одной рукой чешет бороду, а другой трогает за выпуклости сидящую у него на коленях секретаршу. – Даже не знаю, что тебе посоветовать, подружка... Ну, давай так. Первое. Приличный ээко-карате-боевик с повальным мордобитием ты не осилишь, потому что в грамотном мордобитии ты сильна, как я в орхидеях. Второе. Мировой заговор темных сил тебе аналогично не по зубам – пока допишешь, умрешь от хохота. Третье. Чего ты там бормочешь?... А-а... Околостароверческая тема, говоришь? М-

м... Знаешь, гулена, дело, конечно, хозяйское, но я бы чисто по-дружески не советовал. Во-первых, там не стреляют, во-вторых, смотри выше насчет орхидей, а в-третьих, ты из этой темы ничего не вытянешь. Скучно. А на некоторые замечания о перерождении веры и якобы огульных оргиях в современных «таежных тупиках» ты просто наплюй. Вранье это. Никаких оргий. Они ходят в платочках, не пьют самогон, а от таких, как ты и я, дружно шарахаются. А оргии – если, конечно, имели место – проходили совсем по другому ведомству. Это игра в испорченный телефон, понимаешь? И те типы, которые этим занимаются, они не староверы. Они идиоты. Обрыднет им реализм, уходят они в тайгу, возводят фетиши из камней, а когда надоест хороводить или захотят жрать, то начинают «жарить» друг дружку, чтобы отвлечься. Вот про них и пиши, если хочешь. Но только зачем писать про идиотов? Логично? – Хокайло отдышался, сделал паузу. Уморился, бедный. – Едем дальше, пани. Шаманские обряды, дикие лохматые племена. Копья, стрелы, фигвамы... Это круто, Динка. Но глупо. Дикие племена перевелись, а шаманы сидят либо в дурдомах, либо в собственных евроофисах. Про них писать неинтересно. Это раз. Выше «Земли Санникова» ты все равно не поднимаешься – это два... Так. Триллер на предмет реликтового гоминоида и безобразного динозавра, обитающего на дне озера Танцующих хариусов в Восточной Сибири, мы отмечаем сразу и с удовольствием. Было. Политический детектив с выездом на таежный пикник

ты не вытянешь. «Дети подземелья-2» в заваленной горной пещере – серо и негигиенично... Поиски сокровищ, зарытых покойным Данилой-мастером, – скучно. Уф-ф... Достала ты меня, Динка...

– Секты, общины... – робко вставила я.

– Ы-ы... – завыл Хокайло. – В принципе да. Кабы с умом. А вообще тема ходовая. Тут ты попала в лоб. Это, конечно, не идиоты с фетишами, гораздо серьезнее. Ведь зачастую то, что мы видим, и то, что есть в реалиях, – это небо и земля. Под внешним смирением может таиться страшная мерзость. Что мы знаем про все эти индуистские и буддистские секты, кроме их повсеместного наличия? Ну «Миссия божественного света»... Ну «Единственная религия»... «Ашрам Шамбалы»... Ну и что? Каковы истинные цели? Каковы истоки, «крыша», перспективы? Что кроется за фронтоном идолопоклонства и страсти к просветлению? Полный туман. Тысячи сект в стране, и за каждой стоит ФСБ? Не поверю. Куда им столько? А у тебя фантазия, дерзай. Пораскинь мозгами, покумекай, сооруди какое-нибудь урочище Жареного Караса в окрестностях Верхоянска, посади туда десяток глупых мальчишек, лбом бьющихся за истину, и насилуй их сколько тебе влезет. Но запомни, Динка, чтобы описывать выше-названное благолепие, надо иметь о нем хоть какое-то представление. А не то тебя обхохочут. Кстати, ты имеешь о нем хоть какое-то представление?

– А как же, – сказала я.

– Хм, – хмыкнул Хокайло. – Сомневаюсь. Все это не твое, забудь. Бумага тоже краснеет. Впрочем, какое мне дело? Ты сегодня вечером где?

– Только не у тебя на бороде, – сказала я и повесила трубку.

Выражаясь словами незабвенной Джиллиан Андерсон, я – работающая мать-одиночка. Мне некогда бегать на сеновал.

Где-то в районе обеда, одетая в пижонское сафари цвета индиго (священного для всех иудеев) и бренча чудовищным колье из стекляруса, я вплыла в издательство «Эвридика». Грозовые тучи уже формировались. Но я-то не знала! А кабы знала – да разве позволила бы! Я бы в тот же миг помчалась на вокзал, купила бы билет до Асино и все лето просидела бы в мамином сарае, не требуя ни свободы совести, ни понимания!

– О, вы хотите поработать на заказ, Дина Александровна? – расплылся дядюшка Сэм, явно умиленный моим индиго. Он забыл, о чем мы говорили вчера.

– Так точно, хочу, – обрубая мосты за спиной, доложила я.

– Ну что ж, – дядя Сэм задумался. – Тема таежной неразберихи, безусловно, серьезная и где-то, я бы даже сказал, полезная. Не в плане витаминов, конечно, а в плане познания ярких сторон нашей многогранной жизни. Вы не боитесь, Дина Александровна, что она окажется неподъемной для ваших нежных плеч?

– Никак нет, – сказала я.

– Похвально. Я верю в вас. И не забудьте, главное требование нашего времени неизменно: остросюжетность. – Добрый дядюшка улыбнулся, как кот – сметане.

– Да, сэр, – откозыряла я...

Тем же вечером зазвонил телефон. Я как раз мокрой курткой выходила из ванной, имея на себе из одежды лишь банное полотенце, обмотанное чалмой. Ох, увидели бы эту шахию Сизиков, Ветров и прочие и прочие...

– Вас слушают.

– Здравствуйте, – произнес приятный мужской голос.

– Здравствуйте, – сказала я, автоматически принимаясь ворошить в памяти обладателей приятных голосов.

– Это Диана Александровна?

Я посмотрела на часы. С минуты на минуту должна была разразиться новая серия про ведьму и ее жениха, и мне бы не хотелось провести этот вечер без смазливой Сережи Безрукова.

– Дина Александровна, – поправила я.

– Простите. Меня зовут Доброволин Игорь Валентинович. Я главный редактор журнала «Светлица». Вы слышали о таком журнале?

– Даже пару раз покупала, – пробормотала я.

– Надеюсь, не напрасно?

– Я тоже надеюсь... Не открывала пока, извините. Лежат где-то.

Собеседник непринужденно засмеялся.

– Небольшое введение, Дина Александровна. Наш журнал ориентирован на женскую половину нашего общества, хотя всем прочим половинам он тоже не возбраняется. Мы стараемся охватить все стороны жизни – от кулинарии до рекомендаций по приобретению океанской яхты, и от воспитания детей до воспитания их родителей. Полистайте, Дина Александровна, – вам понравится. Сто страниц увлекательного чтения фирма, что называется, гарантирует. Путешествия, криминал, интерьер, любовь, рынок услуг, отборная беллетристика – на любой вкус. В данный момент по многочисленным просьбам наших читателей мы планируем новую рубрику. «Старое в новом свете» или что-то в этом роде. Материал номер один: староверческие поселения в отдаленных уголках Сибири... «В новизнах ваших старина нам слышится...»

– Стоп, – сказала я. – Вы забыли две мелочи, Игорь Валентинович. Во-первых, откуда я знаю, что вы именно тот, за кого себя выдаете? Во-вторых, какое отношение к вашему журналу имею я?

Собеседник опять рассмеялся. Не таким уж он оказался деловитым.

– Прошу меня простить. Я упустил из виду, что вы автор детективных романов. Отвечаю по порядку. Первое: адрес нашей редакции неизменен – улица Баррикадная, девять, второй этаж. Милости просим в любое время с девяти до

семнадцати. Второе: сегодня я имел продолжительную беседу с Самуилом Яковлевичем Шпульманом, по ходу которой он неоднократно упоминал ваше имя и ваши способности, а еще, извините... м-м... некоторую вашу опрометчивость. А потом я успел полистать ваши книжки. Одну бегло прочел. «Последнее суаре», кажется...

– Я поняла, – сказала я. Хорошо, не видит, как порозовела. – Продолжайте.

– Наш корреспондент побывал осенью в одном весьма небезынтересном местечке, расположенном в горах на юге Алтайского края. Это ценная находка, Дина Александровна. Поселение староверов. Оно притулилось в тесном распадке на северной оконечности Усть-Каирского кряжа. Места изумительные – природа, воздух... И от трассы Ташара – Усть-Кун к ним ведет вполне конкретная горная тропа, по которой с легкостью пройдет даже ребенок. То есть если вы запасетесь надежным спутником и строго определенным ориентиром, то часа за два...

– Подождите, – оторопела я. – Не думаете же вы...

– Я очень надеюсь, Дина Александровна. К сожалению, болезнь помешала корреспонденту завершить работу. Он схватил воспаление легких, и за ним специально прислали вертолет из Октябрьского. Есть разрозненные заметки, но они имеют лишь познавательную ценность и не годятся для публикации. Понимаете? А сейчас он не работает в нашем издании. Его перекупили пиарщики из «Полета». Тако-

ва жизнь, Дина Александровна. Одни создают имидж, другие разрушают... И вот теперь у меня к вам предложение как к бывшей журналистке. Убежден, журналисты бывшими не бывают. Итак – написать ряд репортажей – или, если угодно, очерков – о самобытности староверческой жизни на примере одного, реального поселения. Любопытные обряды, нетрадиционное мировоззрение... И просьба учесть, это не отдельная заимка, а целый городок со своими законами, снабжением, со своей инфраструктурой. У каждого жителя своя судьба, свои принципы. Сущий Клондайк, Дина Александровна!.. Я слышал, в этой среде коренные перемены в нашем большом мире восприняли довольно своеобразно. Где-то – забавно, где-то – трагично. Не сомневаюсь, вы сумеете соблюсти баланс меж тем и этим... Мы же не знаем о них! Информация скудна и отсеяна. Это даже не информация, а, извините меня, дурно сляпанный заказ. А потом ходят слухи, пересуды – о каких-то нелепых оргиях, о вражде толков... Полный бред. Вы согласны, Дина Александровна? Простите за нетактичность, но я слышал, у вас затруднения? Нельзя ли повременить с новым романом? Журнал «Светлица» – организация популярная, не из бедных, и за толковую работу платит толковые деньги. Подождите, не перебивайте... Журнал выходит раз в месяц. Если вы обеспечите нас материалом на полгода вперед – то редакция не останется в долгу. За неделю работы на месте ваш гонорар составит порядка, м-м... полутора тысяч долларов. Это не шутка.

Проезд, питание – отдельно. Если вы откажетесь, естественно, мы найдем другого автора, но... знаете, нам бы не хотелось. Лично я глубоко оценил ваш стиль, наблюдательность, тонкий юмор... и был бы крайне огорчен вашим отказом. И помимо, – собеседник в третий раз засмеялся, – вам представляется неплохая возможность отдохнуть, не находите?

Перед глазами проплыла рыжая борода Левы Хокайло.

– Вы уверены, что речь идет о староверах? – брякнула я.

– Что, простите? – забеспокоился мужчина.

– Нет-нет, ничего, – одумалась я.

– Я не спрашиваю, согласны ли вы, Дина Александровна.

Подумайте. Но, ради бога, сообщите о принятом решении в течение завтрашнего дня, хорошо? В случае положительного ответа я жду вас у себя в кабинете, и мы оформим наши с вами отношения, уж простите за каламбур. А в случае отрицательного – запишите мой телефончик...

Куда я влетела? Зачем на следующий вечер позвонила Гульке? А ведь позвонила. Остороженько так, с опаской. Трубку сняла не жена, а сам. Вопреки Гулькиным уверениям, что у него есть жена, никто ее ни разу не видел. И в кругах знакомых преобладало мнение, будто этот объект – либо порождение завистливой фантазии, либо глубоко законспирированный товарищ.

– Гулька, – взмолилась я, не откладывая дело в долгий ящик. – Съезди со мной, а? Ты все равно на Телецкое, а это

совсем рядом, триста верст на юг. А на обратном пути отдохнем, на лошади покатаемся... По старой дружбе, а?

Гулька страшно удивился.

– А мы с тобой старые друзья, да? Динка, ты что – ветрогонного объелась? Куда ехать-то прикажешь – на деревню к бабушке? Да там зверья, как армян на базаре. Предлагаешь закончить жизнь в желудке у медведя?

– Ну Гулечка, я тебя часто просила об одолжении, скажи? Тебе и так на Алтай, какая разница? А это южнее, теплее. И нет там никаких медведей. По горам полазишь, воздухом подышишь. Ну хочешь, я тебе озеро найду? Будешь купаться, запруды строить... Гулечка, поехали, а?

– А по ночам что буду делать? – чуть поддался Сизиков.

– Ой, не загадывай, Гуль, а? Нам бы найти это местечко – а там поглядим. Я узнала главное: нам вовсе не обязательно искать дорогу Ташара – Усть-Кун. Есть способ лучше. Мы сядем на рейс Энск – Зыряновск, в Октябрьском парашютируемся, шестьдесят миль на попутке – до Карадыма, там берем проводника, переправляемся через Аваш, перебегаем Усть-Каирский кряж, переплываем Черноярку, а там, по козым тропам – рукой подать.

– Не-е, не поеду, – испугался Гулька.

– Гулечка, да шучу, – заволновалась я. – От Карадыма всего несколько кмэ... Решайся, Гуль. Ты же сильный, смелый, добрый, порядочный... А за деньги не волнуйся, у меня есть. На пропитание, на проезд, на подкуп должностных лиц...

Я уговаривала его минут пять, пока не почувствовала в его отнекивании слабинку. Тут-то и утопила педаль в пол. Чего наобещала – вспомнить жутко.

– А ты не боишься ехать со мной? – ехидно осведомился Гулька. – Я ведь только сегодня для тебя такой хороший. А в повседневности я плохой, забыла? У меня даже ружье есть охотничье... Кстати, возьму.

Это был «последний довод короля» – как чеканил некий Ришелье на пушках собственной артиллерии. Я перекрестилась.

– Боюсь, Гулька, – призналась я. – Просто по-черному боюсь. А что делать? Волков, как ты, бояться – в лес не попадешь...

Туманов П.И.

Первый этаж искомого дома приютил мебельный салон, ресторан быстрого питания и некий полуподвальный «Орион» (без объяснений). Если не знаешь, что это такое, незачем спускаться. Не страдавший по бедности снобизмом Туманов свернул во двор. Ребячья пискотня, крыльцо с табличкой «Секонд Хэнд»... Вот и нужное – три ступени под мрамор и скромная желтая вывеска – «DJR-FARM».

Внутри все было как у людей: белая стойка с телефоном и буклетиками, лицензия Минздрава на стене, за стойкой – компьютер и блондиночка в качестве фона. Пергидроль, блу-

зочка, капелька рубина на мизинчике – ничего особенного. Личико занятое.

– Здравствуйте, – поздоровался Туманов.

Ой, как мы рады... Девочка покосилась на посетителя, ничего интересного не узрела (а могла бы) и вернулась... к игре, наверное. На экране, отраженном в застекленном шкафу, что-то мельтешило, рябило красками. Правда, звука не было.

– Добрый день. Что вы хотели?

Туманов обернулся. Не любил дыхания в затылок. За спиной стоял типичный представитель крупных приматов. Пиджак, галстук, табличку с надписью «служба охраны» могли и не вешать – по фасаду видно. Метр девяносто – сто с гаком. А на фасаде – три класса.

Туманов сделал бы его в два удара, чтобы он не сделал его – с одного.

– Я к Анатолию Григорьевичу.

– По коридору вторая дверь направо, – включилась девочка. И тут же выключилась, азартно уйдя в «работу».

Охранник вернулся в свое кресло, и Туманов мог идти куда угодно – например в кабинет шефа и класть того из спрятанного в пакете «узи». Предварительно положив сидящего перед кабинетом дубликата первой гориллы.

Он мог бы поболтать и в «предбаннике» – но девочка, скорее всего, при охраннике не разговорится, в лучшем случае – позвонит шефу. Тот вежливо отоврется, либо невежливо

нахамит. Хамить Туманов умел и сам. А толку? Лучше разговаривать того, к кому племянник ехал... а потом с пустыми руками – в «Секретные материалы».

Кабинетик выглядел скромнее – ядовито-зеленые стены, сейф образца шестидесятых, стандартный канцелярский стол с тумбами. За столом сидел лысый тощий тип в очках.

– Здравствуйте, – какое хорошее человеческое слово.

– Добрый день, – голова повернулась.

В воспаленных глазах отразилось сомнение. Что день удался, тощий вовсе не был уверен. Узкая хомячья мордочка блестела потом, руки подрагивали. Предварительный диагноз (он же окончательный) читался легко и просто – похмелье.

– Шубин Анатолий Григорьевич?

– Да, это я... Вы что-то хотели?

Нет, по старой дружбе... Хоть тресни, а Туманов не был похож на поставщика или покупателя лекарственных препаратов. Надо, кстати, проверить, насколько лекарственных... в смысле кайфа.

– Я из милиции, – он достал корочки, небрежно сунул под нос.

Работничек совсем растерялся. И голова, судя по глазам, заболела пуще прежнего.

– А что случилось?

– Мне нужен Алексей Вадимович Сальников.

Гаслый взгляд уперся в сейф.

– Я вообще такого не знаю... Вы не ошиблись адресом?

– А если подумать?

Ой, не врал, крыс канцелярский. Не умеют такие врать как следует.

– Подумать... – Шубин с усилием напряг глазодвигательные мышцы. – Как к вам обращаться – гражданин следователь?

– Павел Игоревич. Пока.

– Тогда знаете что, хм... Павел Игоревич, может быть, побеседуем на свежем воздухе? А то у меня обед, и вообще...

Последнее слово пояснений не требовало.

Столики при таких ценах могли бы и протирать. Зато ветерок обдувал – прохладный, пиво предлагалось – ледяное, а главное – платил пригласивший. То бишь допрашиваемый. При большом желании Туманов мог доставить Шубина в РУВД (изобретя транспорт по ходу), а там колоть и колоть, шантажируя похмельем. Очень действенно. Но не хотелось без нужды зверствовать, это во-первых. А во-вторых, и так скажет. Сильно похорошело начальнику сбыта – поллитра «Юбилейного» на старые дрожжи. Пил работничек по правилам, в три присеста: первый – половина всего пива, второй – половина остатка, третий – весь остаток.

– Видите ли, Павел...

– Игоревич.

– Извините, Павел Игоревич, не было у нас этого челове-

ка. Естественно не было. Вы сказали, Сальников?

Туманов скрипнул зубами.

– Да. Алексей Сальников.

– Так вот, не было. Никаких командированных уже полгода, и вообще никого из Самары. Им просто нечего здесь делать.

– Да ну?

– Да хоть под присягой, – Шубин опорожнил третий стакан. – Хоть как. Но дело в том... понимаете, не в первый раз в нашей... фирме. Зимой, – голос отвердел, как будто и не выхлебал почти литр шестиградусного. – В Екатеринбурге. Тоже наш филиал. И тоже фармаколог пропал... не доехал. И еще. В прошлом году... да, в октябре, в Иркутске. Милиция искала, присылала запрос в нашу контору.

– Откуда вы это знаете?

Шубин усмехнулся. Допил остатки.

– Я все-таки начальник отдела сбыта. Хотя какой там отдел – я да экспедитор, да студентка на полставки, Оленька... Знаю, – махнул рукой девице за прилавком, та кивнула, открывая шкаф-холодильник. Достала еще две, на сей раз «Богемского», понесла к их столику. Анатолий Григорьевич, похоже, был клиентом привычным и щедрым.

– Знаете, Павел...

– Можно просто «Павел», – Туманову надоело подсказывать.

– А я – Анатолий. Толик. Толян... Давно меня так не зва-

ли... – Шубина опять начало развозить. – Здесь человеком себя чувствую. В этой, – он огляделся, столики пусты, только у стены паренек лет шестнадцати неумело охмурял девушку, – забегаловке.

– А дома? – Чужие малобюджетные пьянки Туманова все не интересовали, но тащить пьянчугу на допрос сейчас – бессмысленно. А тут, может, и выдаст интересную зацепку.

– Дома? – Шубин взмахнул рукой, будто сбивая муху на лету, – Туманов успел поймать бутылку, но тщательно выглаженные (явно не женат – сам гладит!) брюки начотдела сбыта украсило быстро расплзающееся пятно. – Дома – пусто.

– Вы не женаты?

– Никто из нас – не женат, – загадочно заявил Шубин и потянулся к бутылке.

– Это из каких? – осведомился Туманов, наполняя стаканы.

– Хорошо сидим, да, Павел Игоревич?

Туманов опешил. Перед ним опять сидел трезвый человек. Ну и ну.

– Неплохо.

– Полвторого, – сообщил Шубин, глянув на часы. – Работа ждет.

– Мы, кажется, не договорили, – заметил опер, прикидывая, стоит ли тормознуть ползущий к светофору «луноход» вневедомственной охраны и отправить собеседника в «аквариум» часа на два, а потом допросить под протокол. Во

вневедомственной Туманов имел неплохие связи. А смысл? Отопрется – не видел, не знаю, буду жаловаться...

Шубин сам помог:

– Вы не могли бы позвонить мне завтра, часиков в шесть? Сегодня я не могу, ожидаем товар с пермского завода... А вообще, я вечерами всегда дома. – «Пью», – добавил про себя Туманов. – Вот визитка. – Прямоугольник лощеной бумаги выпал из потной ладони. – Обязательно позвоните, может, что-нибудь вспомню. До свидания, – и, вяло пожав руку, удалился, бросив на стол купюру с изображением Большого театра.

– А зачем он тебе, Паш? – поинтересовался капитан Савчук, начальник отдела розыска пропавших, он же – «Секретные материалы». Эта скорбная лавочка располагалась глубоко в подвале, оттого и сотрудники ее, а в первую очередь капитан Савчук, проводящий на работе половину жизни, имели перманентно бледный вид.

– Племянник мой, – объяснил Туманов.

– Дела, – капитан сочувственно вздохнул. Покорябал родинку на щеке. – Поездных опрашивал?

– Безнадежно. Проводница только и помнит, что вроде был похожий – длинный такой, неразговорчивый. С ним в купе семья ехала, в Татарке сошла.

– Не бузотерствовал?

– Да нет, скромняга он, крепче пива не потребляет.

Капитан еще раз вздохнул. Люди пропадали ежедневно, повсеместно, в основном – девицы в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти, а в общем – обоих полов и любого возраста. Родные и близкие, обегав знакомых, несли заявления в милицию. Та давала сообщения по местным телеканалам и обходила знакомых по второму разу. Как правило, то и другое – безрезультатно. Изредка пропавшие находились – большей частью в виде трупов. На серьезный поиск не было ни средств, ни штатов. Тех, от кого зависели средства и штаты, проблема не волновала. Своих родственников, если потеряются, большим начальникам и так найдут.

– Есть подозрения? – Савчук ответа не ждал, но получил.

– Есть, – встрепнулся Туманов. – Один человек... намекал, что двое химиков вот так же пропали – и в той же самой конторе. Один на Урале, другой – в Иркутске.

– Страна большая, всякое бывает, – усомнился капитан. Глянув на коллегу, обнадежил: – Проработаем. Твой человек, кстати, намеки свои в протоколе подпишет?

– После поллитры.

– Тоже мне, свидетель. Ладно, я поищу у себя, а ты еще с тем хануриком, на всякий случай... Ну, сам знаешь.

– Паша, – улыбнулась Юлечка Вяхирева, краса и гордость аналитиков. – С тебя два «Птичьих молока».

– Меня сегодня уже доили, – пробормотал Туманов, прикидывая, у кого можно поклянчить полтинник.

– Я по-русски сказала – птичьего! – возразила Юлечка, перебирая завалившие стол бумаги. – Ну ладно, одна. Помянем твоего свидетеля.

– В смысле?!

– Сбит машиной. Вчера вечером, – Туманов застыл. – Светлая иномарка, номер не замечен, с места происшествия скрылась. Пострадавший крутился у подъезда, то ли домой собирался, то ли из дома, на аллейке все и случилось.

– Сразу умер?

– Неизвестно, – краса и гордость аналитиков кокетливо потупила глазки. – «Скорая помощь» немного припозднилась, но врачи не виноваты – в этом городе масса вызовов. Мы занимаем первое место в стране по инсультам...

– Понимаю, – пробормотал Туманов. – Чем позже приезжает «Скорая», тем точнее диагноз.

Лейтенант Вяхирева отзывчиво хихикнула.

– Слушай, Паш, а ты никогда не задумывался, почему людей сбивают преимущественно светлые иномарки? Каждый день одни и те же сводки: сбиты светлыми иномарками, водитель с места происшествия скрылся...

– Ох, Юлечка, мне бы твои проблемы.

– погоди, это еще не все. Проблема номер два. Твой покойник – в розыске.

– Ты меня шокируешь, Юля. За что?

– У Савчука. Уже пять лет. Вот, – она откопала распечатку: – Шубин Анатолий Григорьевич, 52-го года рожде-

ния, уроженец города Бийска, торговый работник, пропал без вести в мае девяносто четвертого... Забросил бы Савчуку, пусть закроет.

– Заброшу. И за конфетами. Адрес у тебя в наличии?

– Конфет? Магазин «Золотой ключик», там свежее. Проезд всеми видами транспорта...

– Нет, пропавшего. Нынешний.

Юлечка красиво похлопала ресничками с тройным объемом.

– В Греции, сам знаешь. На, вот. И жду гостинцев.

Ах, какая женщина.

В коридоре его окликнули:

– Туманов! Где ты бродишь?

Болезни и начальники всегда появляются не вовремя. Майор Дроботун, подпольная кличка Скворечник (kozyрек носимой зимой и летом фуражки приплюснутый, почти незаметный нос, маленький круглый ротик и торчащий подбородок) из замов по розыску очень хотел стать начальником РУВД. Требовался всего пустяк – стопроцентный план плюс образцовый порядок. В реальности этого можно достичь разве что переселением всего криминального элемента из их района куда-нибудь подальше. Майор Дроботун ругал демократию и склонялся к виртуальному решению проблемы: навести порядок хотя бы на бумаге. У него имелось даже любимое изречение: «Больше бумаги – чище задница». В связи с чем опера и пользовались любой зацепкой для отказа в

возбуждении дела.

Судя по цвету майорова лица, сегодняшний случай был исключением.

– Срочно на Минусинскую! Машина у входа, тебя обыскали!

– А что там... – начал Туманов, но Скворечник неуставные вопросы пресек:

– На месте узнаешь! И учти – дело на контроле там! – Тонкий, в чернильных пятнах, палец указал на сизый, в бурых разводах, потолок.

Квартира принадлежала ответственному деятелю из городской администрации. Жертва – хорошо развитая девица семнадцати лет от роду – по случаю визита милиционеров соизволила накинуть мужскую рубашку ярко-желтой расцветки. Снаружи остались вполне пригодные к употреблению ножки, просматривались экономные трусики и то, что они пытались подчеркнуть. Верхние пуговицы потерпевшая застегнуть забыла и, нагибаясь, демонстрировала в целом созревшие интимности с вишнево-зовущими маячками. Сжавшись в кресле, глотал слюнки Саня Заруцкий, начинающий опер (теоретическая база – юрфак, практическая – спортзал), а у двери подпирал косяк владелец рубашки – помладше и поуже в плечах, но наглющий не по возрасту и с насыщенным оттенками фингалом под левым глазом. Партнер по «простым движениям».

Из квартиры вынесли далеко не все – забыли, например, диван «Уэллмарк», стоящий побольше всей мебелировки тумановской квартиры. Корейскую «балалайку» на кухне, из которой долетали в комнату музыкальные скороговорки из жизни негритянской босоты. «Откуда дровишки», объяснил в коридоре Заруцкий, назвав фамилии и должности родителей девицы, проводивших отпуск на Андаманах.

– Предки когда вернутся?

– Завтра вечером, – девица ощупала затылок. Там, похоже, набухла свирепая шишка.

– И ты пошла выносить мусор, – поощрил Туманов.

– Да-а...

– Дома кто оставался?

– Сере-ежа... – девица указала на кавалера с фингалом. Тот кивнул, отлип от косяка и вышел – надо полагать, на кухню, за очередной порцией холодного лекарства.

– Как выглядели нападавшие?

– Здорове-енные, – пауза, всхлип. – В масках. Ударили по голове, – снова пауза и множество всхлипов. Платка у нее, что ли, нет?

– Ничего, голову вылечим, – донеслось из коридора, и в дверях нарисовался кавалер с банкой «Будвайзера» и длинной коричневой сигаретой в зубах. Заруцкий умоляюще глянул на Туманова, проецируя очередную телепатеку: «Павел Игорич, дайте я с сопляком поработаю!»

– А вы, юноша, что имеете рассказать? – обратился Ту-

манов к любителю пива. Тот, изобразив на опухшем личике недовольство хамским обращением, процедил:

– А ничего, начальник, – шумно отхлебнув из банки, повернулся к девице. – Маргуля, пиво будешь?

– Подожди, видишь, поговорить надо, – откликнулась та без тени смущения. Ну, пришли какие-то, нечто между сантехниками и ОМОНОм, так и быть, уделим внимание.

Она уже практически не всхлипывала. А и правда – зачем ей всхлипывать?

– Я не вполне вас понял, молодой человек, – Туманов взял тон подчеркнуто благожелательный. А сам потихоньку закипал. – Грабителей вы, надеюсь, видели?

– Не успел, – парень посмотрел на Туманова, заморгал. – Вошли, по башне въехали, я и потонул, как «Титаник»... Мне тут еще долго торчать?

Практикант Саня поднялся было, но, поймав на лету мимолетную улыбку наставника, сел. Картинка потихоньку вырисовывалась: соплюшка, стоило за дверь выглянуть, нарвалась на разбой (а дом не из тех, где шпану в подъезде терпят), кавалер хорохорится, но заметно нервничает... Побольше бы таких дел – где преступник тупой и безграмотный.

– Товарищ лейтенант, – Туманов повернулся к Заруцкому. – Запишите координаты потерпевшего. Потом можете идти, – это уже наглецу.

– Ну спасибо, нача-альник! – схамил напоследок юнец и скороговоркой пробормотал что-то вроде «тыр-тыр-Сер-

гей-Лежена-десять-восемнадцать».

Саня чего-то накорябал в блокноте. Отрок смерил подружку взглядом, но раздевать при ментах не решился, нырнул в соседнюю комнату и вскоре вынырнул в белой майке с надписью «Кисс ми» и портретом, надо полагать, вокалиста группы. Замок щелкнул дважды: отчалил юнец, за ним – Заруцкий, скалясь в предвкушении. Внизу ждал отделенческий «уазик».

– А теперь, Маргарита Петровна, давайте уточним список пропавших вещей...

Красилина Д.А.

Вот так и началась эта безумная эпопея. Всю дорогу до городского аэропорта Гулька бубнил под нос, что лучше он скончается от жадности, чем купит билет за свои кровные, но в итоге купил. Зато в самолете его пронзила новая идея. Ему с каких-то борщей пригрезилось, что, как верный друг и надежный секьюрити, он имеет полное авторское право на процент от моего гонорара.

– Посуди сама, – прокричал он под подозрительное дребезжание мотора. – Мои условия никакие не грабительские. Где ты найдешь второго дурака всего за двадцать пять процентов? А я иду тебе навстречу, Динка, цени – я согласен терпеть лишения даже за двадцать! Ну где это видано? Ни за что ни про что человек срывается с насиженного горшка

и с низкого старта устремляется в самую клоаку сибирской недвижимости... Я похож на альтруиста? Или на идиота?

– Нет, на альтруиста ты не похож, – сказала я чистую правду. Терять мне было уже нечего. Вряд ли Гулька, имея он во владении даже десять берданок, осмелился бы развернуть самолет в воздухе.

Он насупился. А я сидела, глотая тошноту, смотрела в иллюминатор, где под крылом о чем-то пело зеленое, как моя физиономия, море, и никак не могла взять в толк, на чем мы летим – на самолете или на парашюте...

Кстати, насчет ружья. Гулька взял его на полном серьезе, разобрал на мелкие детальки и даже как-то (неужели лицо честное? или корочки помогли?) убедил работников аэропорта, что, находясь в упаковке, «расчлененке» и в багаже, это ружьишко, пожалуй, не выстрелит. Я не возражала. Пусть мужики тешатся. У них всего-то радостей в жизни – автомобили, оружие да мы...

Поэтому, когда мы сели в райцентре Октябрьское и получили на руки багаж, видок у нас был боевитый. Я напомнила бойца стройотряда, а Гулька – человека с футляром в брезентовой ветровке. Я тогда еще не думала, что ружье в наших одиссеях – штука уместная, и посему Гулькины чудачества восприняла не без иронии. Но сильно не увлекалась. Если человек приходит вам на подмогу, вовсе не обязательно на каждом шагу выпячивать его ущербность. Да и обстановка, окружившая нас по прибытии в Октябрьское, мень-

ше всего располагала к перехвату инициативы. Не до феминизма. Примат суровой жизни звучал на каждом метре. Не женское это дело – борьба с природой. В этой связи я сделалась пайнкой и целиком возложила принятие резолюций о наших перемещениях на плечи Сизикова.

Самолетик полетел дальше, в Зырянск, а мы с Сизиковым, трое небритых парней с рюкзаками и тетка с каменным лицом, в которое прочно впечаталась тайга, остались вблизи дощатых строений аэропорта. Вдаль убегала узкая посадочная полоса. Два кольца лесного массива окружали поселок – одно густое, сочное, сияло на солнце; другое находилось выше – в горах, туманно-сизое и как бы тонущее в дымке. Пекло беспощадно. В траве без устали стрекотало, высоко в небе парил коршун. Я сняла пропахшую нафталином штормовку с памятным шевроном «НСО – Импульс». Под штормовкой у меня была белая тенниска без затей. Простой кусок ткани. Ее бы я тоже сняла. Парни еще в самолете, узнав, что мы летим в Октябрьское, сделали попытку отгородить меня флажками от Сизикова, но ничего у них не вышло, хотя Сизиков, хитро ухмыляясь, и давил из себя злостный нейтралитет. У двоих было высшее образование – один работал на кафедре промышленных технологий технического университета, второй – не помню где, но что-то про «гидролиз», а третий образования не имел, но был белоголов, по-доброму галантен и дважды в запале обозвал меня девушкой, что мне, в принципе, понравилось. Но не настолько, чтобы, выйдя из

самолета, упасть ему на шею. У парней были свои дела, у нас свои. Девять месяцев в году они влачили ничтожное существование в почетном окружении жен и тещ, а летом выезжали в тайгу. Шлялись по горам, работали на стройках в Катанде и Нижнем Учхое, в перерывах пили водку, чай горячий, волочились за таежными красавицами. Если позволяло время, размышляли о бессмыслице жизни, и это, кстати, нормально, потому что не дома и стены не давят...

Мы простились как старые знакомые. Парни приняли по осьмушке и уже радовались жизни, дышали полной грудью и с ухмылками наблюдали, как я судорожно выкапываю из баула баллончик с «антикомарином».

– Брось, – хмыкнул Гулька. – Комары на тебя руку не поднимут. Мы же днем, на солнышке, в культурном центре... Не та ты для них фигура, – и смачно раздавил здорового гнуса, собравшегося перекусить у него на лбу.

– Совершенно правильно, – улыбнулся аспирант промышленных технологий. – В поселке можете этих ребят не бояться. А если соберетесь далеко в тайгу, убедительно рекомендуем натереться уксусом. Эффект, как говорится, гарантируем. А эти ваши штучки, – он снисходительно ткнул пальцем в мой баул с репеллентом, – комаров не впечатляют. Оставьте для дачи.

– Точно, – поддержал его второй – не аспирант, но и не белокурый. – Это неправильные комары. Злющие, как пирани. Если нет уксуса, намажьтесь гвоздичным маслом – ка-

кое-то время протянете. Хотя нет, – не вполне трезво улыбаясь, он махнул рукой. – Если под рукой нет уксуса, то гвоздичного масла и подавно не будет.

– Тогда соорудите дымовуху, – порекомендовал третий, без образования, но белокурый. – Набейте ведро сырой травой, подожгите и ходите, размахивайте, ничего не бойтесь. Комары, медведи, волки – все побегут. И беглые зэки тоже.

Ребята рассмеялись. Неплохие парни.

– До Карадыма далеко? – спросил Гулька.

– Это туда, на юго-восток, – показал пальцем белобрысый. – На Аваше. Надо ехать через Медвежью падь, вдоль болота Синих духов. От урочища Тесницкого повернете направо, и полчаса по камням – трюх, трюх. Шестьдесят американских миль.

– А с транспортом как? – спросила я. – На чем трюхать-то?

Ребята дружно пожали плечами:

– Пospрошайте в поселке, райцентр как-никак. Где деньги, там и колеса. У вас есть деньги?

– Нет, – сказал Гулька.

На том и поручкались. Ребята отправились на север – до грунтовки на Верхотурово, ловить попутку к заветным курятникам, а мы с Гулькой через бараки аэропорта и осиновое редколесье потащились в поселок. Не вижу смысла расписывать наши пешие скитания. Ничего необычного в них нет, а красоты родной природы можно пока и опустить. Скажу лишь, что поселок Октябрьское лежал в низине, был окру-

жен лесистой возвышенностью, а кое-где даже вгрызался в нее. Посадочная полоса располагалась на северной окраине, занимая добрый участок ни на что не пригодной пустоши. Большую часть селения составляли пустыри и двухэтажные бревенчатые бараки, похожие на теплушки. Лишь где-то далеко, в центре, виднелись приличные сооружения, дымились трубы каких-то мастерских, колосились постриженные деревья. Но до них еще предстояло дойти, что в условиях безбожной разбросанности поселка казалось затянутой песней.

Дорога от аэропорта к средоточию местной цивилизации петляла горным серпантином. Из перелеска за нашими спинами вынырнул допотопный «ЗИЛ»-«сто тридцатый». Болтая разбитым кузовом, умчался в центр. В кузове лежал уголь и бились две лопаты. Я сделала респиратор из ладошки. Сизиков с откровенным скепсисом посмотрел ему вслед, оглянулся на «утраченное».

Снова настала тишина. Над окраиной поселка витал полуденный зной. Народу почти не было. Тетка с каменным лицом, вышедшая с нами «на этой остановке», уверенно ушла вперед. И пропала.

Гулька озадаченно потер подбородок. Потом, пробубнив «Патер ностер», взвалил на плечо мой баул, сверху добавил свой, а футляр с берданкой всучил мне.

– Потопали, старушка. Как там в песнопении... «А мы с тобой, брат, из пехоты»?..

– Нет, нам нужна машина, – запротестовала я.

– Конечно, – кивнул Гулька. – Спустимся к автобазе, там и найдем.

– Как? – изумилась я. – Ты веришь в наличие автобазы?

Гулька как-то стушевался. Разрази меня мигрень, если он не покраснел. Вернее, он начал краснеть, но потом передумал.

– В каждом городке должна быть автобаза, заруби на носу. Или, на крайственный случай, что-то на нее похожее. Иначе это не городок. Вспомни, о чем говорили парни в самолете. Память отшибло?

Не помню, чтобы в разговоре упоминалась автобаза. О поселке парни говорили скупно: мол, народ живет там разномастный – пришлые, местные, отхожие промысловики из глухих деревень, охотники, работяги с деревофабрики; калымщики-рудокопы с Верхотурово и Мазино – непьющие, негулящие, а в своих бараках только ночующие. А еще они рассказывали, что в здешних лесистых горах водятся дикие звери, бродяги и пропойцы, папайя с алычой здесь не растут, а из съедобного растет только клевер (редко). А ближайшее отделение милиции – в Улан-Баторе. Шутили, наверное.

Я не стала с ним спорить. Мы побрели по пустой улице, мимо нескончаемых бараков. Большинство из них казались нежилыми – зияли выбитые окна, стены обрастали чем попало. Эксцессов как таковых не наблюдалось. Два мелких происшествия, случившихся по мере нашего выдвижения, на эксцессы не тянули. Колченогая тетка со следами кесаре-

ва сечения поперек лица стояла у разбитого корыта, как певчий на клиресе, и мучительно вспоминала, как она дошла до такой жизни. Видно, что-то вспомнила. Потому что, пропустив нас, высказалась от души:

– Тварь, – сказала она, конечно, в мой адрес. – Тварь гнойная. Придушу, если увижу еще раз с Петькой-кривым...

Я испугалась и в поисках защиты покосилась на Гульку. Но Гулька сам испугался. А потом на втором этаже барака в открытом окне образовалось гиеноподобное существо в дырявом тельнике, с русалкой на дряблом плече (моряк, догадалась я), и заорало нечеловеческим голосом (маты вуалирую):

– Эй, Катька-козлинка, елы-палы, ты глянь, бабки-ежки, какая тут у нас, тятки-мотятки, еханый бабай, деваха классная! Вот бы я ее вздрючил!.. А ты на себя-то глянь, уродина, обезьяна страшная, чувырла ты каторжная!..

Продолжения не последовало, потому что из-за спины морячка бэк-вокалом полились рулады в исполнении Катьки, и внимание моего почитателя невольно переключилось на сожительницу. Разбилась бутылка, затрещала скамья...

– Вот оно, дурное влияние периферии, – шепнул на ухо Гулька. – Не обращай внимания, это комплимент, уж я-то знаю...

Как странно, подумала я. Еще три часа назад, когда держась двумя руками за баул, я выходила из подъезда и маньяк Степа Ошалень, высматривая жертву, показал мне средний

палец, а потом перевел на русский, изобразив рукав на три четверти, я не растерялась. Я бросила баул, показала ему сразу два пальца, четыре рукава и высказала все, что о нем думаю, не выходя, конечно, за рамки орфоэпии и внутренней цензуры. Мне не было страшно. А вот теперь стало. Спина онемела, ноги превратились в колосья...

– Послушай, Сизиков, – сказала я тихо. – А вот если со мной случится беда, ты меня защитишь?

– Конечно, – фыркнул Сизиков. – Спрашиваешь...

И даже не отшутился. Я хотела ему верить, и даже верила, но все равно чувствовала себя паршиво. Может, я уже тогда подсознательно понимала, что в мою жизнь вторгается нечто скверное?

Ни до центра, ни до автобазы мы не дошли. За приземистым зданием закрытого сельпо (скобы внахлест, замок во всю дверь – явно не обед) у водосточной трубы, под которой почему-то прижилась урна, стоял «уазик» с задраным капотом. Водитель, небритый, похожий на флибустьера дядька в промасленной рубахе, сидел на подножке и курил «Беломор».

– Бог в помощь, – забросил удочку Гулька. – Сломался?

– Отдыхаем, – сминая вчетверо мундштук, пояснил шофер.

– А это? – Гулька кивнул на разинутый капот.

Дядька пожал плечами, повторил:

– Отдыхаем.

– Триста рублей до Карадыма, – брякнула я. – Нормально? Дядька задумался.

– Нормально. Но мало. Вы откуда?

– Из Эфиопии, – сказал Гулька.

– Четыреста, – завершила я торги. – Больше не дадим.

Дядька перевел задумчивый взор (ну мыслитель, не могу...) с кончика своей папиросы на мои «ортопедические» кроссовки, покрытые пылью.

– Правильно, не давайте. Все равно бензина нет.

– Ни капли? – уточнил Гулька.

Взгляд шофера стал медленно проясняться – как проясняется небо после дождя. Он щелчком выбросил папиросину, проследил за ее полетом на соседний палисадник.

– Почему ни капли? До Карадыма доеду, там в коня впрягусь. Давайте так, – он смерил Гульку, а затем и меня оценивающим взглядом покупателя, – вы платите за бензин, проезд бесплатный.

– Почем нынче бензин? – скептически поджал губки Гулька.

– Двадцаточка, – не смущаясь, возвестил шофер и достал вторую папиросину. – Две канистры, по двадцать литряков. Цена умеренная. А не хотите – как хотите, охотники найдутся.

– Мать моя женщина... Восемьсот рэ... – загундел Гулька. – Да это ж юмористика! Мужик, ты че юродствуешь?

– Гулька, не жмись, – прошептала я. – Бог с ним, фирма

платит... Чего ты выступаешь?

– А потому что обдираловка, – рявкнул Гулька и ни с того ни с сего стал покрываться густой краской.

– Ну решайте, – зевнул дядька. – Чего я буду тут с вами... Мне к четверем директрису на базу везти...

Два часа мы добирались до Карадыма. Места, сквозь которые мы проезжали, конечно, впечатляли неизгаженностью. Дорога петляла через дикие заросли. Лес казался непроходимым благодаря обилию густорастущего подлеска, скрывающего стволы. Тайга состояла в основном из хвойных – сосны, лиственницы. Кое-где выглядывала боярка – колючая горбунья, заросшая листвой. Несколько раз мы вырывались из тайги и попадали то в старицы – пересохшие русла речушек, то краем цепляли болотистые хляби, блестящие протухшей зеленью и вид имеющие далеко не аппетитный, то проезжали по каменистым осыпям – голым островкам в море флоры. Потом опять врезались в тайгу, которая и не думала расступаться, и мы ехали чуть не по еловым лапам, метущим откосы.

Ехали в тишине. Шофер попался молчаливый, да и мы с Гулькой старались не переругиваться. Канула вечность. Карадым появился внезапно, когда в него уже не верили. Взору открылась узкая долина, «берега туманные» на той стороне Аваша. Узорчатый кряж, кустарники, домишки, жмущиеся друг к дружке. Кое-где галечные мыски. Потом блесну-

ла вода на стремнине, над водой – каменные лабиринты, и стало ясно, где есть что. Вся речушка в сотню метров шириной. Тайга, вдоль которой мы ехали, скалисто опускалась к берегу. Начиналось редколесье. За ним – в разливах непересыхающей грязи по краям дороги – потянулись низкие фермы. Карадым уступами сползал в Аваш, обтекая внушительные очертания расщепленного утеса, нависшего над водой. Немного правее поселка, примерно на середине открытого плеса, можно было различить островок – обрывистую, вытянутую вдоль берега скалу.

– Кайнак, – глянув в зеркало над головой, обронил шофер. Помолчал. – Островок такой. Раньше с дальней стороны переметы ставили на тайменя. Табунами пер, гад... Днем у берегов отсиживался, а ночью выходил на перекааты... и аж бурлило от него... По десятку за ночь на одну снасть, представляете? Вот не вру, у меня брательник тута живет... Ну, рыбнадзор, конечно, шалил, штрафы непомерные накручивал... но и рыбка была. Многое окупала, кормила она нас, краснушка наша...

– А сейчас? – поинтересовался Гулька.

– А-а, – разговорившийся дядька сплюнул в окно. – Довели страну, с-собаки... Ни рыбнадзора, ни рыбки. Рыбнадзор на север подался. Таймень – на юг, в верховья. За ним яльчик с ленком. Одна ряпушка в Черноярке осталась. Да щуки чуток. И ту доедаем.

– А народ тут что делает?

Дядька пожал плечами:

– Живет...

Фермы кончились. Мы проехали мимо рогатого стада, мирно пасущегося в долине, и въехали в поселок. Потянулись частные домишки. Однообразные палисадники радовали глаз опрятными яблоньками. Строения были безбожно старые, заборы и переулочки убоги, однако того уныния, что царило в Октябрьском, в местном антураже не ощущалось. В облике Карадыма присутствовал пусть забитый, придавленный, но самобытный колорит, не подвластный ни времени, ни новейшим технологиям. Самобытные жучки, обленившиеся от жары, беззвучно разевали пасти. Самобытные бабы в платочках (возраст не имеет значения) лузгали семечки на завалинках и, сияя веснушками, пялились нам вслед. Самобытная крапива росла где только можно.

– Здесь почта есть? – вращая головой, как танк башней, спросил урбанист Гулька.

– Обязательно, – кивнул дядя. – Много чего есть. Пекарня, фабрика художественного промысла, филиал Октябрьского ПМК, ДРСУ, заготконтора и даже два психа из налоговой. По нечетным. А по четным – в Октябрьском. Вы вообще к кому?

– Мы вообще туристы, – для смешка имитируя легкий акцент, представился Гулька.

– А-а, – шофер понимающе кивнул. – Эфиопы... Ну, помогай вам бог, туристы.

Меня уже подташнивало. Опустошив наши карманы, дядя высадил нас посреди всей этой самобытности («Едри ее в плетень», – как шепотом выразился Гулька) и, порекомендовав в качестве укрепляющего местный «Хилтон», покати́л обратно.

На ограде дощатого «Хилтона», поджав под пузо конечности, сидел ободранный кот и пялился на нас с большим непониманием.

– Швейцар, – сострил Гулька.

– Кинь ему монетку, – устало поддержала я.

Напротив «Хилтона», за волдыристым тротуаром, собранным из досок, стояла избушка с крошечными окнами. Табличка на входе безрадостно извещала: «Тубдиспансер Октябрьского райздравотдела». Два самобытных «фтизиатра» преклонных годов лениво покуривали на крыльце. Шаткую ограду увивал декоративный хмель. Подобные диспансеру избушки, теснясь в ряд, украшали протяжение узкого переулка, в который мы пришли по наводке шофера.

Скрипя досками, приближалась бедрастая тетка в халате, толкая перед собой груженную бидоном тележку.

– Пошли, – Гулька распахнул калитку. – А то зашибут. Брысь, тигра... – шикнул он на кота.

– Ты хочешь поселиться в этой землянке? – испугалась я.

– А отель «Сибирь» далековат, мэ, – ощерился Гулька. – А в гостинице «Советской» поселился мирный грек. Так что выбор у нас, дружок, как между майской ночью и утоплен-

ницей. Давай, двигай...

«В этом здании с 1929 г. по 1931 г. трижды останавливался знаменитый исследователь недр Сибири академик Усов Михаил Антонович», – хвастливо заявляла облезлая табличка над дверью.

– А также Фрицьоф Нансен и знаменитый исследователь полярных льдин Отто Юльевич Шмидт, – блеснул эрудицией Гулька.

Очкастый обладатель халата технички, обгорелого лица и фигуры гермафродита, ковыряющийся в карточках учета, оказался по совместительству госслужащим, менеджером отеля и хирургом человеческих душ.

– Вы муж и жена, – ткнув в нас огрызком карандаша, сообщил хирург. Потом покосился на Гулькин футляр. – Коммерсанты из Рубцовска. Прибыли оформлять крупный заказ на фабрику художественного промысла. Я о вас слышал. Сейчас сделаем отдельный номер с краном. Один, кстати, и остался, для вас держим. Остальные заняты, – он опять покосился на футляр.

Чем заняты остальные и где в этом злачном доме туалет, я спросить постеснялась. А Гулька сразу же взялся энергично поддакивать, и мне осталось только покраснеть.

– Эх тебя разнесло-то, – прошептала я.

– Помолчи, – буркнул Гулька. – Твое мнение никого не интересует.

– А ты не щипайся... – пискнула я.

Ах, водевиль, водевиль... Я уже несколько раз ловила себя на мысли, что с момента нашего приземления в Октябрьском все происходящее приобретает черты какого-то сюрреализма. В котором все наоборот. И Гулька Сизиков, покончив с брюзжанием, ненавязчиво перехватывает инициативу (не по перемещениям, а вообще), хотя ему вроде и не надо. Почувствовал себя мужчиной? Или лезем в соавторы, Гуля? В сотрудники и сопостельники?

Сервис нам достался откровенно никакой. Ни обоев, ни ковров в комнате, если не считать таковым затоптанную майку под дверь. Краска со стен давно осыпалась, на полу зияли проплешины. Зеркала отсутствовали (вампиры до нас гостили). Из мебели наличествовала лампочка, подозрительно похожая на переноску, календарь с голой попой, старый славянский шкаф, кран с мойкой, стол под окном и две кровати – слава богу, в разных углах.

– Значит, так, крошка... – начал Сизиков, бросая на кровать оба баула.

– Не называй меня крошкой, – отрезала я. – Терпеть не могу.

– Ладно. Значит, так, детка. Можешь помыться, но багаж до дна не распаковывай. Я уйду на разведку, а ты запишись на крючок и сиди тихой мышкой, охраняй ружье. Если до вечера не вернусь, пиши пропало.

– Как ты мил, – растрогалась я. – Но объясни, пожалуйста, почему бы нам не пройтись вместе?

– Я чекист, сударыня, – напомнил Гулька, склоняясь неприлично близко. – А следовательно, чего?

– Ничего хорошего, – сказала я.

– А следовательно, я умею располагать к себе людей.

– До тех пор, пока люди не поймут, что ты чекист.

Гулька не обиделся.

– Да. Конечно. Но за это время я успеваю получить всю нужную информацию. Нам предстоит узнать, где в этом затерянном мире поселок староверов и дорогу к нему. И мы это узнаем. Или, черт меня возьми, я не потомок Феликса. Trust me.¹

– А почему бы не узнать у первого встречного? – осторожно спросила я. – Может, я что-то не понимаю... Доброволин по понятным причинам не смог предоставить координаты, но ясно дал понять, что староверы никогда не делали тайны из своего существования. И к гостям терпимы, если гости не перегибают...

– И первый встречный поведет нас по козым тропам? – стиснул брови Сизиков. – Где бродят барсы и медведи?

В его тоне звучала непримиримость к пререканиям. Мне сразу захотелось вытянуться во фрунт. Я так и сделала.

– Trust me, – повторил Гулька.

– Хорошо, попробую, – согласилась я, легонько отодвигаясь от его рта.

Почему бы в самом деле не переложить часть забот на пле-

¹ Доверься мне (англ.).

чи добровольцев? Гулька скинул ветровку, послал мне воздушный поцелуй и испарился, а я стала заниматься разной чепухой. Воды в кране не было. Кто-то выпил. Ладно, подумала я. Не очень-то хотелось. За полдня моя кожа не успела обрасти грязью. Сделав потягушки, я упала на кровать. Полежала минут двадцать в компании зеркала и походного маникюрного набора и, не придумав ничего другого, подошла к окну. Окно выходило на задний двор «дома колхозника». Метрах в сорока, за оградкой и мелкой лощинкой, протекало строительство века. Кто-то из местных бонз возводил себе коттедж. Домик так себе, но в сравнении с прочими – вполне выделяемо. По крайней мере, его собирали из кирпича, а не из фанеры. И грязи развели – как в городе... Из-за бетономешалки, окутанные сизым табачным дымом, торчали ноги в кирзачах. Ширококостная малярка-штукатурка – исконно русская женщина с замученным лицом и в целлофановых кульках поверх штиблет – неторопливо жевала бутерброд.

Я взглянула на часы – начало четвертого, отошла от окна и опять развалилась на кровати. Мысли путались. Ничего не происходило, но в голове уже царило безобразие. События последних дней вертелись в памяти веселой каруселью, вызывая досадное головокружение. В ту пору я была еще далека от мысли о кукловодах, марионетках и невидимых ниточках, за которые дергают, но что-то меня определенно настораживало. Я пыталась понять, что, но каждый раз логи-

ческая цепочка, которую я упрямо собирала, рвалась, и на поверхность всплывали мелкие бытовые заусеницы.

На одной из ретроспекций я и уснула. А проснулась от яростной долбежки в дверь. Подскочила, всклокоченная, заметалась. Машинально стала себя ощупывать – да одета я, одета...

– Динка, шо цэ такэ? Отверзай калитку, – забубнил под дверью Гулька. – Ну чего ты там – рожаеть, что ли?

Я отбросила крючок. Он ворвался встревоженный, но, увидев меня такую – никакую, не утерпел, расхохотался. Можно понять, сто чертей. Волосья дыбом, глаза из орбит...

– Вот так дела, – заявил. – Мы тут, значит, пупки рвем, а они, значит, почивают.

Я машинально глянула на часы. Стрелка отвалила от семи. Ужас.

– Где тебя носит, бродяга?

Гулька бросил на стол газетный сверток и пластом рухнул на кровать. Видок у него был донельзя усталый, но в принципе довольный.

– Собирайся, Динка. Я вышел на один важный канал, по которому мы как сыр в масле проскочим к твоим чудакам-таежникам. Проводник – высший класс. Ух...

– Нет, ты сначала расскажи, – потребовала я. – Собраться – это подпоясаться.

– Тогда жуй, – он кивнул на сверток. – Там еда. Картоха, мясо, травка зеленеет... У бабки купил, через дорогу. Нале-

гай, Динка, а то, чую, у тебя с утра маковой соломки...

– Росинки, – поправила я.

– Именно, – хихикнул Гулька. – Словом, жуй. И между тем слушай.

Пока я глотала рассыпчатую картошку, Гулька выдавал результат. «Важный канал» назывался дядей Федей-бобылем. Обитал оный дядя в бараке неподалеку от прибрежных заброшенных складов. А промышлял по жизни тем, что добывал в тихих заводях Аваша и Черноярки оглохшую рыбу, которую потом втихую реализовывал мелким оптовикам из Октябрьского, наезжающим на грузовиках. На вырученные копейки жил. А еще дядя Федя в свободное от рыбалки время болтался по горам, где постреливал мелкую живность и водил интересующие нас знакомства. Как Гулька на него вышел, осталось чекистским секретом, но качество информации мой спутник гарантировал самым категоричным образом.

– Я не орал на весь Карадым, где тут у них это самое, – надувая щеки, поделился он толикой своей оперативно-разыскной смекалки. – Зачем нам огласка? Я понимаю, мы не проводим секретную операцию, но, во-первых, слухи о приезде журналистов – они в любом деле не помощник, а во-вторых, извини, таков мой принцип... Я отправился иным путем и в результате вышел на наиболее информированного человека в округе. – Тут Гулька сделал такое хитрое лицо, что я еле сдержалась, чтобы не сморозить какую-нибудь кол-

кость... – Который, к нашему счастью, не враг бутылке.

– Отлично, – восхитилась я. – За неимением гербовой пищей на португее. Мы начинаем вербовку местных алкашей. А я-то думаю, чего от тебя сивухой прет...

– Да, – невозмутимо продолжал Гулька. – Как раз оттуда. Дядя Федя пьет как грузчик, но производит впечатление серьезного человека.

– Я, кажется, догадываюсь...

– Такова уж наша планида, – Гулька показал разведенными ладошками, как крупно он сожалеет. – Вернее, твоя планида. Впрочем, расходы умеренные. Двести пятьдесят деревянных – не самые бешеные деньги, согласись. Полтинничек я скинул.

– Короче, – вздохнула я.

– Да, – Гулька стал медленно сползать с кровати. – В сущности, у нас есть два варианта. Сейчас мы идем к нему, ночуем, а утром он нас увозит.

– А второй? – наивно спросила я.

– А второй похож на первый. Но ночуем здесь.

Я внимательно посмотрела на Гульку. А Гулька, в свою очередь, внимательно посмотрел на меня. Все это было по меньшей мере странно. Ведь я не ханжа, не девочка с буклетиком. А Гулька Сизиков, насколько мне хватает объективных знаний, нормальный мужик. Если мы останемся на ночь в одной комнате, то несложно догадаться, что проснусь я не одна. И морально я уже была готова. Во-первых, беско-

рыстная помощь накладывает на просящую сторону определенные обязательства по отношению к стороне помогающей. Во-вторых, никаких моральных табу с моей стороны уже не осталось. И в-третьих, что я имею против Гульки, если взглянуть объективно? Гэбист? Позер? Дружок Ветрова? Скользкое поведение и сальные приколы? А самое ли это ужасное? А если я предвзята?

И вот здесь начинались наши странности. Я смотрела на Гульку и ничего не понимала. Возможно, он бы и не отказался прыгнуть ко мне в койку, но на данный момент его волновало другое. Выпендрей был показным. За ним сквозила настороженность. Что-то ему чуялось. Гулькины глаза бегали быстрее обычного, губы улыбались, а чело одновременно мрачнело, создавая вокруг его макушки ауру тревоги – практически видимую.

– Послушай, Сизиков... – пробормотала я и сама испугалась своих дальнейших слов. – А то давай вернемся домой, а?..

На что у Гульки имелась очень веская причина пробежать по пресловутой женской алогичности. Но он не стал. Не знаю, почему. Махнул рукой:

– Ладно, собираемся к информатору...

Нет, он пришел-таки ко мне, кобель ушлый. Природу не обманешь... Барак дяди Феди стоял на отшибе, утонув в крапиве и лопухах. От неровного берега его отделял лишь сы-

пучий откос, прорезаемый глубоким оврагом – свалкой. От барака к утлым мосткам с привязанными лодками спускались дощатые ступени. Несколько малолетних оболтусов в трусах до колен барахтались в воде, ловя последние лучики уходящего за откос солнца. Пожилой спортсмен-ихтиолог рыбачил в извилистой заводи. Соломенная шляпа торчала над камышами, как блин инопланетной тарелки. Я наблюдала эту идиллию из окна узкой каморки, где обстановка ограничивалась односпальной кроватью у окна, на которой я возлежала, устроив подбородок на баул, и старым бабушкиным сундуком. Изредка в комнату наведывался блаженного вида отрок со впалым животом, показывал язык и убегал, гаденько похрюкивая. Я не обращала на него внимания. Какое мне дело? Племянник, пасынок, подпасок... Пахло закисающими огурцами. За фанерной перегородкой раздавался заупокойный молебен, что-то шипело на сковороде. В смежной комнате позвякивала бутылка водки: там пресловутый дядя Федя – самый компетентный абориген в Карадыме – шептался с моим «соавтором». Дядя Федя мне сразу не понравился. Мрачноватый тип лет сорока пяти, в широкой рубахе, в «тришкиных» штанах. На вид – деревня и деревня. Но не люблю я людей, которые себе на уме. Он не суетился, двигался неторопливо, приторможенно, с нажимом протирал обшарканный стол, бережно выуживал стаканы из буфета. На меня взирал из-под густых кучерявых бровей – угрюмо, оценивающе, не произнося ни слова, а на Гулькины по-

туги поддержать беседу отделялся односложно. Придурковатый оборвыш с волчьим животом юлой крутился по сумрачной «горнице». Гулька дал ему карамельку – тот вырвал ее из рук и на пару минут с диким хохотом смылся.

– Обделался от счастья, – равнодушно прокомментировал дядя Федя. – Племяш мой, с пеленок обиженный.

– Ясненько, – усвоил Гулька. – С чудинкой, значит... Ну давай, дядя Федя, – он церемонно вознес стакан. – Как говорит наш добрый президент – скоро осень, надо квасить.

Я отказалась с ними квасить и удалилась в крохотную спальню, которую хозяин оторвал нам от щедрот. Когда совсем стемнело, нарисовался Гулька. На удивление, он был тих, как украинская ночь. Я отвернулась к стене.

– Спишь?

– Пытаюсь, – прошептала я.

Не включая свет, он уселся рядом. Закряхтел, заворочался. Завыли торчащие пружины. Конечно, не «Акапулько».

– Я погорячился, – проворчал Гулька. – Этот бирюк с нами не пойдет. До него дошло.

– Как так? – встрепенулась я. – Это в какие ворота?..

– Тихо, тихо... – зашептал Гулька. – Не психуй, все под контролем. На той стороне нас будут ждать на машине. Если повезет, конечно, – добавил он, подумав. – Некий Окуленко. Он приезжает в Зональный по средам, вечером, рыбачит, а наутро, часиков в восемь-девять, уезжает домой в Бирюлино. Так что выйдем засветло, а не то прогорим.

– На машине по козьим тропам... – вздохнула я. – А пароль нужен?

– Никаких паролей, – ухмыльнулся Гулька. – Абориген говорит, что тропу через Усть-Каир на той неделе похоронило под обвалом, и единственный путь, не подвергая себя риску, – это объехать с юга и зайти с трассы Ташара – Усть-Кун, под Кулымом. Прорвемся, Динка, не впадай в тоску. Проводника найдем. Десять проводников найдем...

Я молчала.

– Что молчишь? – засопел Гулька. – С утра малек-сосед перевезет нас на ту сторону. Всего за сто рублей. Недорого.

– Не знаю, Гулька. Мне чудится... поминальный звон, прости... Ничего не могу с собой поделатъ. Может быть, это реакция организма на смену обстановки, как ты думаешь, психолог?

– Ну ты и чудачка... – зашипел он со злостью. С какой-то даже чрезмерной злостью. Словно я взяла и с размаху резанула ему по глазам правду-матку. Потом он положил мне на плечо свою ручищу.

– Подвинься, сибирячка длинноногая... Ты еще не знаешь, что такое настоящая реакция на смену обстановки. Могу стать катализатором.

– От тебя водкой пахнет, – пробормотала я.

– А я виноват? – с обескураживающей логикой спросил он.

Я невольно улыбнулась (а что еще делать?), а он вдруг как-

то слишком быстро присоседился и, не теряя времени на пустословия, стал со мной что-то делать.

– Дверочку бы закрыть, а, Гуль? – вздохнула я.

Он встал и закрыл.

Я расслабилась. «Он хороший... – взялась я обреченно себя уговаривать. – Он добрый, чуткий, мужественный и заботливый... А пахнет от него не водкой с потом (как ты могла подумать, незнайка?), а одеколоном для настоящих мужчин в черном – «Сикрет сервис – KGB»...»

Наутро, опухший и злой, как демон, дядя Федя проводил нас до мостков, где прыщавый юнец в трико уже отвязывал от сваи утлую посудину с тупым баком. Поселок спал. Вдоль Аваша, с плеса на перекааты, дул легкий ветерок, чертя воду мелкой рябью. Тишина стояла – почти абсолютная.

– Сашка, сосед мой, – буркнул дядя Федя. – Эй, Санек! – повысил он голос. – Проводишь людей и бегом назад. Поедем на Песчаную, переметы сымать.

– Помню я, дядь Федь, – отмахнулся малый. Прыгнул в лодку и стал распинывать к бортам какой-то рыбачий хлам, устилающий дно.

– Дрыгалку-то свою не забыл? – ухмыльнулся бирюк.

– Не забыл, – малый зашарил по карманам.

Гулька спустился в лодку, помог мне. Я уселась на нос, обняла баул. Вперед лучше не смотреть. Страшно, мамочка...

– Пока, дядь Федь, – козырнул Гулька. – Спасибочки и на

этом.

Бирюк кивнул, махнул рукой.

– Отчаливай... Опося благодарить будешь, паря.

Малый обмотал «дрыгалкой» мотор, поплевал на ладошки, дернул. Мотор чихнул.

– Шибко не едь, – предупредил дядя Федя. – Не ровен час деваху напугаешь... А ты, парень, не забудь, – вскинулся он из-под бровей на Гулька. – Найдешь избу на сваях, она высоко-окая, ты ее от причала увидишь, не ошибешься, чай. Окуленко должен быть, он завсегда по средам. Он мастером в гараже работает, в Бирюлино. Среда, суббота – выходной... Так что зайдите, должен быть. А нет так нет, пехом почапаете. Бог подаст. Я что сделаю?

– Ага, – кивнул Гулька. – Там, в Зональном, народ-то живет?

– Да там три бабки на весь Зональный. Доживают, – скривился в гримасе дядя Федя. – Разорили, демократы х... Окуленко рыбалит в тех местах, на косе, у него в доме снасти, прикорм. Найдете его, скажете – мол, от Федьки Овчарова, он вас без денег за кряж увезет. А в Кулыме найдете проводника, там час ходу по распадку.

– Вот спасибо-то, – поблагодарил Гулька.

Мотор взревел. Шкет-«паромщик» выпустил веревку, уселся на заднюю скамью.

– Санек, не забудь, рысью – рысью назад! – крикнул дядя Федя.

Не скажу, что очередная потеря целомудрия прошла без сучка и зазоринки. Были изъяны. Сами попробуйте трижды за ночь побегать к бочке с водой через храпящего дядю Федю. Но с задоринкой, это очевидно. Во всяком случае, я ожидала от Гульки под хмельком худшего.

– Чего улыбаешься, холостячка? – проорал он со своей скамьи. И сам, недолго думая, расплылся, будто помидор по штанам.

Я покачала головой. Ну его в баню. Тоже мне, эксперт по частным урокам. Тем временем под надсадный вой мотора мы протарахтели мимо северной оконечности островка Кайнак – островерхой скалы с одинокой сосной – и, слегка сдав к югу, чтобы не сносило течением, вышли в восточный плес. Позади остался намывной пляж на оборотной стороне острова. Теперь я рискнула обернуться. Навстречу рванулись жмущиеся друг к другу сараюшки, балки из досок, за ними дома – совсем мало, горстка.

– Здесь раньше был рыбацкий поселок Зональный! – просветил меня Гулька. – Говорят, таймешок с хариусом на быстринах резвились – только шум стоял!.. А теперь ушла рыба – одна шваль осталась...

– Да три ведьмы в поселке... – хохотнул кривоzubый Санька, направляя лодку на бак ржавой водонапорной станции на берегу заливчика. Резко вывернул рукоять, дал витиеватый вираж и изящно подплыл к заброшенному причалу, от

которого во многих местах сохранились лишь сваи, уныло торчащие из воды. Качнувшись на собственной волне, лодка бортом ударилась о парапет. Я лязгнула зубами.

– Приехали, дяденьки-тетеньки, – сообщил малек. – Гоните денежку и вылазьте.

Я всматривалась в заброшенные лачуги, выходящие на причал, но нигде не ощущала даже намека на шевеление. Дома пустовали и равнодушно взирали на новоприбывших черными дырами оконных проемов. Многие окна были забиты досками. Лоскутья толя хлопали на ветру.

– Декаданс... – невесело пробормотал Гулька.

Домик на сваях действительно выделялся высотой. Он сохранил целые окна и приличный издали забор. Пока мы шурились на восходящее над скалой светило, у причала забурчал мотор – малец торопливо разворачивал лодку. Прошло секунд шесть – и он уже мчал, задрвав опустевший нос, на северную оконечность Кайнака.

– Слушай мою команду, – Гулька взвалил на плечо обе сумки. – Побатальонно и шагом марш. К дяде Окуленко.

– А если его нет? – пискнула я.

– Тогда я нам не завидую. Ну ничего, бродяжка, зароем твой сидор под скалой и пойдем порожняком на юг. Авось, горы не без указателей.

Вблизи скопление лачуг и старых рыбацких балков оказалось еще печальнее. Запустение царило повсеместно. Элек-

трические провода – оборваны, крохотные огородики поросли бурьяном, крыши осели. В одном из замшелых окон – практически на уровне земли – мелькнуло лицо старухи, изрытое морщинами, и сразу скрылось – костлявая рука задернула занавеску.

– Во рожу наела... – несмешно сострил Гулька.

Даже избушка на сваях анфас стала какой-то скукоженной. Огород отсутствовал. За оградой росла одичалая жимолость, задний план двора полукольцом окружали тесаные сараюшки с покатыми крышами. У крыльца лежал разобранный лодочный мотор, на перилах сохла промасленная дерюга. Полагаю, нам подфартило: за кустами стоял молодежавый на вид «уазик», а из сарая торчала чья-то широкая задница в болоньевых штанах. Владелец задницы размеренным волоком вытягивал из груди снастей крупноячеистую сеть, покрытую тиной. Бросил на землю, стал разматывать.

– Бог в помощь. – Гулька оперся на приоткрытую створку ворот. – Разрешите обратиться, сударь?

Человек, одетый в плащевую жирную робу, обернулся. У него было широкое улыбочивое лицо и нос картошкой.

– Обращайтесь.

– Если вы Окуленко, то мы до вас. С нижайшей просьбой.

От дяди Федора.

Человек отложил сеть. Вытер руки о штаны. Взглянул на ладони.

– Проходите в дом, – кивнул он на открытую дверь. – Сей-

час руки сполосну и поболтаем.

Ничего в нем не было ярко отрицательного. Нормальный светловласый мужик, не дурак поулыбаться. Мы отворили пошире створку и вошли. Гулька даже вытер ноги о металлическую решетку перед крыльцом. Дескать, вот мы какие воспитанные. А потом галантно посторонился, пропуская меня вперед.

– Да не вытирайте вы ноги, – бросил мужик, бренча ручноймойником. – В этой хате отродясь не убирали. Баба в Би-рюлино сидит, сюда, в Зональный – ни ногой, прошу ее, прошу... Обленилась, зараза.

– Прекрасно вас понимаю, – в порядке подхалимажа хотнул Гулька.

– Девушка, в дальнюю комнату проходите, – любезно подсказал мужик. – Это за кухней. Но только прошу вас, не принохивайтесь...

Что-то мне не понравилось в его тоне. Откуда взялась эта слащавость у грубоватого мужика? Но оборачиваться и смотреть ему в рот было уже не с руки: Гулька дышал в затылок. Я проскочила пахнущие тиной сенки, дверной проем, транзитом миновала засаленный закуток с примитивной газовой горелкой и в некоторой растерянности заглянула в комнату.

Она была совершенно пуста. Окно и стены.

– Влипpli... – тихо ахнул Гулька.

Все происходило так быстро, что не нашлось времени ис-

пугаться. Сбитые с панталыку, мы обернулись почти одновременно. И застыли.

Человек по фамилии Окуленко, или как там его по-серьезному, стоял в проеме между сенями и кухонькой и продолжал улыбаться.

В руке он держал железную штукювину, похожую на пистолет.

Никогда не видела настоящих пистолетов. Только в кино.

– Нет, подождите, – хотела я сказать, но что-то приключилось с моими голосовыми связками – я закудахтала наседкой и, отчаявшись родить вразумительную речь, заглохла. Вот тут-то мой неясный ужас, подспудно зревший все эти дни, и пробил дорогу. Меня пронзил столбняк, я похолодела, выронула из онемевшей руки Гулькин футляр. Он глухо стукнул.

– Это что за недоверие, товарищ? – нервно сглотнул Гулька.

– Пришел бабай, называется, – сообщил широколицый, стирая с губ улыбку. И тут я обнаружила, что без улыбки на его лице остаются только хищные, холодные (отвратительно холодные!) глаза. И ни черта больше.

За его спиной объявился еще некто – пониже ростом и одетый в защитную военную (или не военную – откуда я знаю!) форму.

– Больше никого, – сказал некто. – Зря прятались.

– Изменим жизнь к лучшему? – насмешливо произнесли

над ухом. Я шарахнулась как припадочная, чуть не окочурилась от страха. Не представляю, как сподобилась обернуться.

Оказалось, комната не так пуста, как полна. Из-за про-стенка выбрался третий субъект, высокий, мордастый, с нитевидными усиками под носом. И одетый в точно такой же камуфляж, как у второго. И с пистолетом.

– Войдите в комнату, положите вещи и встаньте лицом к стене, – распорядился «Окуленко». – Мальчики налево, девочки направо.

– Мы туристы... мы пролетом, – прошептала я деревянными губами.

– Не старайся, Динка, закончились наши игры, – буркнул Гулька, медленно опуская на пол баулы. – Прижучили. Знаешь, как призрачно все в этом мире?..

Последнюю фразу он произносил очень медленно. Судя по глазам и выразительно сжатой челюсти, под прической Сизикова протекал мыслительный процесс.

– Прошу учесть, что два раза не повторяю, – намекнул «Окуленко», поигрывая стволом.

Меня передернуло. Я шагнула в комнату.

– Прощай, душа пропащая... – прошептал Гулька.

И в ту же секунду что есть мочи толкнул меня на мордастого! Ах ты гадина!.. В ушах засвистело, кишки чуть не вылетели – я со скоростью пущенной шайбы вонзилась в грудь усатого. В нос ударил удушливый запах немытого мужика. Батюшки!..

Он ругнулся, хотел меня отшвырнуть, но я вцепилась в его униформу, заверещала, как сирена. Правильно: швырнет он меня – я же мозги свои со стены не соскребу... Он рванул еще раз – обеими руками. Но не тут-то было: грохнул выстрел – ба-бах! За ним еще два – ба-бах! ба-бах! Оглохнуть можно... Униформист этот куда-то полетел. Я за ним. Но вовремя отцепилась – меня закружило, завертело... Шарахнуло еще дважды. Как дубиной по затылку!.. Я уже не орала, я изрыгала что-то несусветное, пакостное, поросячье. Тень пружинисто метнулась к окну, а я, завершив пируэт, ударилась головой о стену и сползла на пол. Выжила. Последний кадр с Гулькиным участием в стенах дома был впечатляющ, как ничто другое. Послав еще две пули в дверной проем, он швырнул пистолет «униформиста» на пол и, сгруппировавшись, в отчаянном рывке послал себя правым боком в окно. Мать моя, мелькнуло в голове. Да это же высший пилотаж, это же этюд! Кино! Стекло разлетелось вдребезги, а Гулька вывалился за подоконник. Я осталась одна, если не считать усатого, мордатого... который в какой-то извращенной позе, разложив ноги под прямым углом, лежал рядом и смотрел на меня со злостью – одним глазом. Второго не было. На его месте пузырилась кровавая каша... Вот именно на этом эпизоде, не позже, не раньше, в моей голове и стали взрываться мины. Я заткнула уши ладонями, кажется, застонала...

Двое с руганью ворвались в комнату, бросились к окну.
– Уходит, падла! – выкрикнул «Окуленко», хватаясь за

уцелевшую раму. – В машину садится! Не уйдешь, мразь!..

Я сделала попытку подняться. Но второй – коренастый, низколобый, с узкими глазками-щелками – больно пнул меня по коленке.

– Сидеть, сука! Встанешь – убью, б..!

Я взвизгнула от боли. Еще пуще – от страха. А эти двое открыли беглый огонь из окна. Тут я ошизела окончательно. Последнее, что здраво прозвучало в ушах, – яростный рев двигателя. Он меня и подбросил. Даешь праздник непослушания! Не помню, как встала, но как-то сумела. Те мерзавцы не видели, они были заняты. Один менял обойму, другой лупил навскидку, отрывисто матерясь в паузах. Я не помню, как бежала по дому, не помню, как вырвалась во двор. Но как уезжал пробитый пулями «уазик», помню прекрасно. Смяв куст жимолости, он отбросил приоткрытую створку ворот, дал вираж в переулок и, скребя правым бортом соседнюю ограду, запрыгал по рытвинам. Гулька, видимо, сумел пригнуться: голова не торчала. Одни руки на руле...

– Гулечка, подожди!! – завопила я. Бросилась в переулок, давясь слезами, воя от ужаса. А позади гремели выстрелы, что-то свистело над головой. «Уазик» уже выезжал из переулка, впереди маячил обрыв, направо – дорога, ведущая мимо мостков. Туда он и вильнул. Да не успел. Пули пробиты заднюю шину, автомобиль повело. Очевидно, пытаюсь удержать его на дороге, Гулька резко нажал на тормоз, но зря он это сделал. «Уазик» развернуло на девяносто граду-

сов, швырнуло в обрыв. Я отчетливо помню, как отрывались от земли правые колеса, помню, как кренился корпус, помню истошное «А-а-а-а!!!..» в исполнении Сизикова... Но вот как Гулька и машина кувыркались с обрыва, я уже не видела. Во-первых, обрыв, во-вторых, я сама упала. И ничего в том странного. Странно, что не упала раньше. Меня закачало на бегу, я царапнула шевроном бегущую мимо штaketину, а потом нога провалилась в яму, и я с разгона влетела в куст чертополоха, растущий посреди дороги. Вставать уже не хотелось. Да и не было ни сил, ни смысла. Я лежала. Долго лежала. Боль притупилась. Спокойствие пришло как нечто закономерное. Хватит. Забодали. Поэтому, когда над головой раздались шаги, скрип ремня и кто-то остановился у моих распластанных мощей, я ничем не выразила своего отношения. Призрачно все, прав Гулька...

– Сучара... – процедил сквозь зубы коренастый.

Судя по шуршанию одежды, он что-то вынимал из кармана. Потом опустился коленом мне на спину, прижал к земле, а руку положил на затылок, тоже прижал. А зачем, собственно? – как-то отрешенно подумала я. Разве меч сечет повинную голову?.. Или это не меч? А голова – не голова?.. Или иметь будут? Но я уже сегодня занималась любовью...

Нет, не имели. И не меч. Что-то острое, жгущее ворвалось в мою шею. Проникло так глубоко, что мышцы сжало судорогой. Я застонала, стала вырываться, чувствуя, как защемленный нерв отчаянной резью реагирует на любое дви-

жение. Но вдруг в глазах закружилась карусель, тело стало погружаться в какое-то ватное одеяло...

А дальше, ну ей-боженьки, ничего не помню.

Кукловоды-1

Стол накрыт и ждет гостей, разделенных на две категории: тех, кому подобное меню приелось и слегка раздражает (участники), и гурманов, которые только на подобных мероприятиях и могут прилично поесть... Иерархию приглашенных демонстрировал алкоголь: от правого конца стола к левому – фигурные сосуды с коньяком, оттененные не менее вычурными бутылками «Ивана Грозного» и «Отечества», постепенно сходили на нет, сменяясь привычными поллитрами «Фронтальной», «Сенаторской», «Гвардейской». Места слева отводились представителям древнейшей, простодушно-бесовестной профессии – журналистам, а водка и закуска являлись формой гонорара – за публикации типа: «Сегодня произошло крупнейшее в этом году событие в экономической жизни нашего города и всего региона – открылась Сибирская торгово-промышленная ярмарка... Директора ведущих предприятий...» Помянутые как раз рассаживались, подтягивая стрелки на брюках. Похохатывал губернатор. Московский гость, плавно перетекающий из правительства в правительство, снисходительно поглядывал на двухцветного поросенка – с одного бока жареного, с другого подкопченного. Местные мафиози пока помалкивали. Но значительно. Депутаты уже заводили сдержанные речи, журналисты трясли перьями, дамы – туалетами, а водочка в рюмочках поигры-

вала, ждала с нетерпением...

В комнате, отделенной от зала бильярдным столом и охранником с подносом, встретились двое.

– Здравствуйте, Евгений Родионович. Как добрались?

– Спасибо, нормально.

– Как дела в Первопрестольной?

Пожилой мужчина поморщился.

– Москва меня утомляет, Дмитрий. Клоака. Мельтешат, болтают, кто-то с кем-то объединяется, потом ссорится, и все, с подачи таких же дешевых газетеров, убеждены, что творят политику, и непременно – большую. Знаете, в чем беда политических прихлебателей?

– Я весь внимание, Евгений Родионович.

– Не умеют красть непринужденно. Перед тем как хапнуть, непременно надо себя убедить – перед микрофоном – в собственной честности. Иначе руки трясутся и купюры падают... Простите старика, не о том я. Зло берет, старые кадры хоть без рекламы обходились, а эти...

– Вот и сыграли на их... скромности наши конкуренты.

– Все беды – от слабой организованности. Как дела у вас?

Мужчина лет тридцати, темноволосый, в костюме от Армани, подобрался:

– Аппарат неплохо профильтрован – особенно губернские администрации, УВД вплоть до районного уровня. В армии наши позиции слабее, хотя объединение округа здорово помогло убрать лишних. Теневые структуры, в общем, сотру-

начают, но там свои законы плюс раздутое беспределом самомнение – я подготовил отчет...

– Оставьте, пожалуйста, жаргон, – старик вторично поморщился. – А отчет интересен скорее Рагнеру, он к вам собирался днями, у него свои планы. Кстати, ваша пресловутая Лаборатория – с ней все в порядке?

– Разумеется, Евгений Родионович.

– До сих пор не понимаю, зачем тратили столько сил и денег на эту затею.

– Решение Капитула...

– Перестаньте. Хаскольдра и Гунтстафа вам убедить удалось. Меня – нет.

– Евгений Родионович, могу я попробовать объяснить... если, конечно, у вас найдется время?

– Найдется. Попробуйте, – милостиво кивнул пожилой. На лице его появилось что-то ироничное.

– Сценарии, если за полгода не внесли существенных поправок, мне знакомы. Инструкции – тоже. Я знаю, кого выдвинуть в наместники, кого – в помощники, кем подстраховать и кому – проследить. Какие подразделения (при необходимости усиленные легионерами) проведут силовые акции, какие – обеспечат порядок. Кто будет говорить, а кто – затыкать рты...

– Надеюсь, знаете. Иначе непонятно, чем вы тут вообще занимались.

– Подготовкой и обеспечением. А потом?

– Когда – потом?

– Второй этап и далее, Евгений Родионович. Власть мы возьмем, те, кто проявит себя, превратятся в функционеров нового режима. Как обеспечить их надежность – только угрозой репрессий?

– Не только угрозой. Вы невнимательно читали сценарии, Дмитрий.

– Простите, Евгений Родионович, я их читал очень внимательно. Вы куда лучше меня знаете – чтобы не заворовались, не разжирели, одних репрессий мало. Чтобы, наконец, не продали нас конкурентам, как двенадцать лет назад...

– И ваша Лаборатория...

– Отрабатывает методику воспитания.

– Элиты?

– Что вы, нет, конечно. Функционеров среднего и нижнего звена. Страна большая, Ордена на все не хватит.

– Уже пытались, если помните, и с неплохими результатами... поначалу. Неважно, как относиться к Меченому, но итог – не в вашу пользу.

– У них, я про большевиков, просто не было времени. И, главное, уверенности в себе и своих силах. Сначала – лишь бы продержаться какое-то время, успеть награть и суметь сбежать. Позже, впрочем, положение стабилизировалось, но пришлось сохранить стартовую идеологию в почти перво-зданном виде.

– Чем вам не нравится их идеология?

– Для того времени – неплохо. Беда в том, что невозможно сохранить систему, когда идеология одна для всех – для стражи, рабов и господ.

– Мыслите вы логично, Дмитрий, но не забывайте – наследственная власть ведет к вырождению.

– Все равно не успели бы выродиться. Главное – они всегда боялись и спешили.

– А вы и ваши друзья...

– А мы – не боимся и не спешим. Ошибка большевиков – в оценке истории по Марксу, с его бредом о хроническом прогрессе. Мы с вами знаем, что история вообще – и России в особенности – ходит по кругу...

– Дмитрий, я ценю ваш энтузиазм, но лекции по истории и мне читали, спасибо. Впрочем, вы меня, можно сказать, убедили. Не до конца, но убедили. Думаю, Капитул вас поддержит – если, конечно, не выйдете за рамки Устава.

– Благодарю, Евгений Родионович.

– Пойдемте, Дмитрий. У нас еще будет время встретиться. Вы забыли про презентацию этого убожества?..

Неслышно ступая по мягкому ковру, двое вышли из комнаты.

Туманов П.И.

Стоило тащить столько железа? Замок английский, типовой, исключительно от порядочных людей. И ключей не на-

до, отжимается компактной карманной фомочкой... Тишина в подъезде царила какая-то благоговейная, нереальная. Словно в мир иной попал. Туманов для приличия постоял, прислушался. Нет желающих. Надавив на фомочку, вошел. С легким скрипом...

Не фонтан. Первым делом он узрел годами не мытый пол. А затем почувствовал страх. Без причины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.